

Марфа Кондратьевна причисляла себя к московской интеллигенции, поскольку ее тетушка дружила когда-то с Мариной Цветаевой и вслед за любимой поэтессой повесилась. Любила она посещать литературные и театральные вечера в столице, покидая деревенский дом весной и осенью.

В ее московских квартирах, щедром, вовремя приватизированном наследстве, собирались диссиденты. Особенно прославился Глеб Рубин. Он ловко рифмовал матерные слова с фамилиями членов Политбюро, его частушки любили, ими восхищались, они ходили по рукам самиздатом.

Летом и зимой жизнь семьи протекала в деревне. Лев Арнольдович пил самогон, а затем, в порыве белой горячки, гонялся за супругой и дочерьми.

Одним из самых ярких воспоминаний раннего детства Глафиры было такое: мать опрометью несется по колдобинам сельской дороги. За спиной – Аксинья, а ее, Глафиру, мать прижимает к груди.

– Оставь меня, мучитель! Не смей бить! – умоляет Марфа Кондратьевна.

– Иди сюда, поганка, кому говорю! – крик Льва Арнольдовича разносится на всю улицу.

Глафире в такие моменты становилось настолько жутко, что она начинала искренне завидовать Аксинье: та была на три года старше, но ничего не понимала. «Быть сумасшедшей хорошо, – думалось Глафире. – Сумасшедшие не чувствуют боли, как мы...»

Ей запомнилась поездка в осенний Париж, усталанный золотыми листьями. Марфу Кондратьевну на международную конференцию пригласили друзья-правозащитники – рассказать о жизни в новой, ельцинской России. Оставив Аксинью в психиатрической лечебнице, Марфа Кондратьевна поспешила отправиться в путешествие с супругом и младшей дочерью. Глафира скучала в длительной поездке на поездах, а мать, наоборот, воодушевленно составляла речь для выступления.

Занятая своими делами в столице Франции, Марфа Кондратьевна забывала покормить дочку. Глафира плакала, капризничала, но мать упорно таскала ее по собраниям, где были острые закуски и выпивка, но не было еды для ребенка. Глафире все время хотелось есть. Как-то мать завела ее в одну из парижских забегаловок и заказала бутерброд и стакан воды. Бутерброд нужно было ждать, а стакан воды принесли сразу. Воду Глафира выпила залпом, а потом решила, что стакан съедобный. Она откусила кусочек. Стакан, изготовленный из тончайшего стекла, порезал ей губы и язык, ручьем хлынула кровь... Испуганные официанты притащили полотенца и лед. Марфа Кондратьевна на ужасном английском с беспокойством спрашивала: «Вы же не возьмете с нас деньги за стакан? Денег не надо?»

Зря она беспокоилась, денег французы не взяли.

Отец Глафиры до еды никогда не был охоч, но любил выпить. Эту традицию Лев Арнольдович не нарушил и в Париже. Он быстро потерял из виду дочь и супругу и наакался с подвернувшимися собутельниками красного бургундского. Когда посреди ночи веселую компанию выгнали из питейного заведения, случайные приятели откланялись.

Лев Арнольдович приполз на бульвар Бомарше, нашел деревце с развилкой посередине, привалился к нему спиной, зацепился руками за ветви и уснул. Проснулся он пре-

лестным октябрьским утром и с удивлением обнаружил, что вокруг него собралась толпа. Уличные художники обступили пьяного туриста со всех сторон. «Что вы делаете?» – промычал с похмелья Лев Арнольдович. И вдруг увидел, что с него рисуют Иисуса Христа. Он проспал всю ночь в позе распятого человека.

«Русский! Русский! – радовались художники и добавляли: – Большая удача, платы не попросит!» Лев Арнольдович действительно денег не попросил, но опохмелиться потребовал. Дали.

Глафира знала, как гордится этой историей отец; сотни, если не тысячи раз он пересказывал ее соседям и гостям.

Когда Глафире исполнилось семь лет, ее домом стал православный интернат в деревне Молчаново, недалеко от Золотого кольца. Отъезду из Москвы предшествовал нешуточный скандал и потасовка между матерью и отцом. Соседи вызвали милицию. Накануне из психиатрической клиники забрали Аксиныю. Марфа Кондратьевна протестовала, чтобы Аксиныя жила с ними, но отец не отдал ее санитарам. По поводу Глафиры родители долго спорили.

– Мне некогда с ней уроками заниматься! В интернате пусть учится! Я сама выросла в приюте при живых родителях, и ничего! – Марфа Кондратьевна была непреклонна. – Ты, что ли, будешь ее в школу водить?!

И Лев Арнольдович сдался.

За Глафирой приехал старенький автобус. Она не знала, какие вещи нужно брать с собой, растерялась, плакала. Вместо сборов ей хотелось, чтобы ее оставили в покое. Отец заперся в комнате и не выходил, а мать вытолкнула ее из подъезда со словами:

– Тебя заберут! Иди!

– Как тебя зовут? – спросила ее полная монахиня в черном одеянии, показавшись из ветхого тарантаса. У нее в руках был длинный список с именами и фамилиями.

– Глафира, – сказала Глафира.

– Где твой чемодан?

– Не знаю, – робко ответила Глафира.

– Ладно. Выдадим тебе школьное платье, платок и Библию, – сказала монахиня, сверившись с бумагами.

Глафира, карабкаясь по ступенькам автобуса, едва не упала.

– Сядь здесь, – сказала ей монахиня. – Меня зовут сестра Аглая. Запомнила?

– Да. – Глафира кивнула.

– С именем Господа! Поехали! – велела Аглая водителю.

Автобус колесил по Москве и собирал детей, которых родители отдали в дом Господа.

Поначалу Глафире трудно было привыкнуть к неприветливым стенам комнатки, в которой ее поселили. Там пахло мышами, а по ночам их беспокойный писк не давал уснуть. Весной и осенью вдоль стен бежала вода, словно стены плакали над участью детей. В комнате стояло несколько кроватей для юных послушниц.

– В пять утра встаем на молитву. Кровати тщательно заправляем, – наставляла их сестра Аглая. – Проверю лично. Кто пропустит молитву, отведает розги.

Дом, в котором разместился монастырский приют, был когда-то дворянским поместьем, а в СССР стал тюрьмой. Теперь вот здесь командовали детьми монахини, деловито расхаживая по коридорам. Порой не верилось, что все это происходит в начале двадцать первого века недалеко от столицы. Впрочем, если отъехать от Москвы на несколько десятков километров, можно заметить, как меняется пейзаж за окном: на дорогах рытвины и колдо-

бины, покосившиеся заборчики, ветхие домики. Столица вобрала в себя все бонусы технологического прогресса, как черная дыра, а на остальную часть страны цивилизация так и не добралась.

Глафира ненавидела утренние и вечерние стояния на коленях и невнятное бормотание перед иконами. На рассвете к горлу подкатывала тошнота, голова кружилась, смертельно хотелось спать. Но, боясь наказания, она вставала. Нетвердой походкой подходила к раковине и умывалась холодной водой. Сменяла ночную сорочку на длинное черное платье и белый платочек, заплетала косу и шла в церковь молиться. Непослушных девочек могли оставить без обеда и ужина, ограничивали в общении, нагружали дополнительными работами на кухне и в огороде. При интернате была ферма, так что шестичасовая занятость воспитанникам была гарантирована.

Глафира быстро научилась послушанию.

На третий год ее перевели в большую комнату, где жили пятнадцать сестер по несчастью. Никому из них родители не оставили выбора. Весной, летом и осенью они занимались земляными работами, ухаживали за скотиной, собирали грибы и ягоды (в приюте их заготавливали на всю зиму и продавали в районный центр). Зимними вечерами дети читали молитвы и вязали носки и шарфы, которые руководство интерната сбывало на ярмарках. Кроме этого, в приюте была мастерская по починке одежды. Кто ленился или был неаккуратным, рисковал – старшие могли проколоть иглой пальцы, и сразу же появлялись старание и усидчивость.

Соседками Глафиры стали девочки из неблагополучных семей, те, у кого отцы и матери сидели в тюрьме за убийство, воровство, наркотики. Таких, как она, из семьи столичных интеллигентов, было всего несколько человек.

Видя покорный нрав Глафиры, воспитанницы неустанно над ней издевались. Несколько раз ее избивали колючей проволокой. Отнимали все мало-мальски ценные вещи. Порвали книгу, взятую в церковной библиотеке. Когда Глафира ложилась спать, сестры по вере включали электрическую лампу у кровати, тормозили ее и больно щипали, не давая уснуть.

– Пожалуйста, отстаньте, – просила их Глафира.

– Какая неженка, – смеялись послушницы. – Давайте плюнем в нее или еще разок уколем булавкой!

К старшим девочкам в окно лазили парни, жившие в другом корпусе. Приносили сигареты, пиво, лезли целоваться. Видеться парни и девочки по правилам могли только в церкви по воскресеньям.

– Будете на стреме стоять. – Старшие девочки пощечинами и тумаками заставляли младших подчиняться. – Следите, чтобы воспитатели не пришли в комнату. Не дай бог Аглая засечет! Голову тогда вам отрубим топором, как котяткам. Нам веселиться охота!

В деревне такая расправа с голубями, котятками и щенятами не была чем-то удивительным: бомжи убивали ради того, чтобы поесть, дети так играли, хвалясь друг перед другом трофеями в виде хвостов и лапок.

Жестокий и злой мир, полный безразличия, окружал Глафиру, а ей мечталось, чтобы рядом были папа и мама.

Тем, кто отказался стоять на стреме во время ночных утех, старшие сестры отрезали волосы, избивали, а некоторых умывали в унитазе, и Глафира безропотно соглашалась нести караул, чтобы сохранить свою косу.

Разумеется, происходящее ей не нравилось. Поначалу она надеялась, что родители заберут ее на каникулы, обо всем узнают, ужаснутся и спасут, но они словно забыли о дочери. И только когда главный священник пригрозил отчислить Глафиру из интерната, отец и мать разрешили

ей приехать на новогодние праздники. Домой Глафиру привезли чужие люди.

Никто не спрашивал, какая у нее жизнь. Мать твердила о митингах и финансировании проектов, о конференциях и сборах, отец уходил к друзьям, чтобы побеседовать о войне на Кавказе. В семье появились младшие дети, которых в интернат сдавать было рано, а в детский сад их не брали.

Глафира росла с чувством глубочайшей тоски и осознанием ненужности. Она научилась выживать по законам православного интерната, драться кастетом, выпиленным из текстолита, который она выторговала у местных на церковные свечки. Глафира отчетливо помнила, как к ним привезли мальчика Гришу и как его до полусмерти избили старшие, отобрали одежду и наручные часы. Девочки визжали от восторга и, чтобы поносить часы на запястье, пускали к себе парней на всю ночь.

Нельзя сказать, что Глафира не пыталась изменить мир, но тот, кто вошел в бурные воды, подхвачен течением. Когда Глафира пожаловалась монахиням на происходящее, с разбирательством долго тянули, а затем и вовсе обвинили ее во лжи: предводителем парнишек оказался пятнадцатилетний сын главного священника. Глафира, уличенная в ереси, провела на коленях у икон двое суток, каялась, била поклоны, получила несколько крепких пощечин от Аглаи. Повезло еще, что монахини проявили христианское милосердие и не сообщили послушницам и послушникам, кто на них донес, иначе бы Глафире не жить: придушили бы или сбросили с колокольни.

Система завращалась по-прежнему.

Посоветовавшись с другими воспитателями, Аглая перевела Глафиру в душную комнатку в мансарде, где жила татарка Шухрат из семьи маргиналов. Глафира довери-

лась новой соседке, и они начали вести разговоры о том, что справедливости на самом деле не существует: ни человеческой, ни божественной.

– Я мусульманка, а они заставляют меня молиться по-христиански, – возмущалась Шухрат, прибавляя к этому непечатные ругательства.

– Они служат сатане, а не Христу! Все, что я видела здесь, прямо это доказывает! – пришла к выводу Глафира.

В комнатке под крышей они держали оборону: на ночь подпирали дверь тумбой, чтобы не участвовать в ночном разврате, и обдумывали план, чтобы смерть пришла к ним доброй гостьей, а не мучительной посланницей тьмы. В декабрьскую ночь Глафира и Шухрат, раздевшись донага, забрались в сугроб у православного храма перед общежитием. Они сумели обмануть бдительную сторожиху, которая следила, чтобы воспитанники не покидали комнат. Но Бог их спас. Утром девчонок обнаружила вездесущая Аглая, отходила ремнем с железной пряжкой и отправила в лазарет при храме. Болезненные уколы антибиотика монашки делали им несколько раз в день, кормили намного вкусней обычного (была не гороховая каша и ягоды, а куриный бульон с плюшками), и Глафира даже стала задумываться, правильно ли умирать такой молодой? Может, стоит подождать, посмотреть, что случится дальше?

Марфу Кондратьевну вызвали к главному священнику, и она, дабы уладить непростое дело, выписала чек с несколькими нулями. Официально это называлось – сделать добровольное пожертвование. Для непослушной дочери Тюка передала психотропные лекарства и антибиотики. Лекарствами Глафира поделилась с Шухрат, о которой никто не заботился.

К больной Глафире мать не зашла. Зачем радовать дочь, которая встала на скользкий путь дьявола? Священ-

ник предупредил, что Господь излечивает заблудшие души суровым наказанием: девочек после выздоровления ждали ночи беспрестанных молитв и строгий пост.

Ранней весной подружки решили сбежать. В интернате усиленно преподавали теологию, а знания по остальным предметам у воспитанников походили на прохудившийся мешок. Глафира и Шухрат, например, искренне считали, что если пройти километров пятнадцать на север, то они очутятся в Киеве.

– На свободу! На свободу! – напевала Глафира, шагая под ночным небом рядом с Шухрат.

Отойдя от православного интерната совсем немного, они услышали волчий вой, испугались и начали звать на помощь.

На этот раз розог им всыпали, и пришлось две недели спать на животе. Поскольку пороли в интернате тайно, жаловаться на это было нельзя.

– За порогом Божьего дома будете жить... на улице, с проститутками, – предупредила их Аглая.

Пришлось помалкивать, когда государственная комиссия, прибывшая в интернат, расспрашивала учеников об условиях проживания.

Стремления к побегу наказание не умерило. Наоборот, лежа на старых пружинистых кроватях, девчонки подогревали друг друга воспоминаниями о шрамах и синяках.

Вновь бежать решили, когда тщательно подготовились. Шухрат не взяла с собой ничего, кроме бутылки с водой и железной лопатки. Глафира заранее сложила в рюкзак то, что удалось вынести из столовой за неделю: грушу, яблоко и помидор.

– Я умею держать уразу и не есть по пятнадцать часов, – похвасталась Шухрат. – Потом мы выйдем к какому-нибудь поселку, люди нас угостят, дадут воды и хлеба.

– Все-таки надо было ограбить склад, взять с собой больше припасов, – настаивала Глафира.

Девочки надели самое нарядное, что имели, прокрались мимо спящей сторожихи и, зная, что из парадных дверей им не выйти, по карнизу второго этажа вылезли к пожарной лестнице.

Было три часа утра.

– Ненавижу, когда насаждают религию! – говорила Шухрат.

– И я. Так нельзя! Взрослые – подлые лицемеры! – вторила ей Глафира.

Дыра, примеченная ими в заборе, оказалась заделана. Перелезть четырехметровый забор с колючей проволокой казалось невозможным. Глафира занервничала, решив, что это плохой знак. Шухрат приступила к плану «Б», подкопав лопаткой рыхлую землю под забором, чтобы они смогли проползти.

– Я тебе говорила, – сказала она Глафире. – Мы будем свободны!

Постепенно дорога рассыпалась на мелкие лесные тропинки, и чем дальше девочки углублялись в чащу, тем сильнее ощущалась грусть. словно православный приют был не просто точкой на карте, он находился внутри их сознания. Отчего они бежали и куда именно, для них самих оставалось загадкой: их нигде никто не ждал, и что делать дальше – они не представляли.

Глафира на ходу делилась с подружкой знаниями из прочитанных книг:

– Мы попадем в Иерусалим! В тринадцатом веке у французского пастушка Стефана случилось видение: ему явился Иисус и велел стать во главе Крестового похода. Безоружные дети с именем Божьим на устах призваны были освободить Иерусалим. Их называли безумцами, но они шли вперед. Так написано в «Пути слез»!

– И чем дело закончилось? – с сомнением протянула Шухрат. – Купцы их обманули и продали в рабство, где их насиловали.

– Это неизвестно...

– Известно! Было семь кораблей, и дети пропали в Алжире у работорговцев.

– Мы тоже отправимся в Иерусалим! Перед нами расступится море...

– В Иерусалиме все верующие?! – ужаснулась Шухрат.

– Да! – с жаром воскликнула Глафира. – Истинно верующие!

– Значит, нужно идти в противоположную сторону! – заупрямилась Шухрат.

– Отправимся в поход на Иерусалим! Иисус Христос там бродил когда-то!

– Ну уж нет! Сама подумай. Если кто-то посмотрит на наш бордель в Молчанове, то подумает, что это настоящий Божий приют! Разводка для дураков. Хлебнули мы с верующими. Я туда не пойду! Мне нужна свобода!

– А я пойду! – сказала Глафира. – Я хочу блаженства, а оно только у Бога.

– Ты не можешь меня бросить!

– Пойдем со мной, сестра.

– Нет!

– Ах так! Ну, иди к черту!

Глафира и Шухрат разошлись в разные стороны.

На третий день в интернате хватились девочек и вызвали милицию. До этого монахини пытались найти их собственными силами, чтобы лишний раз не привлекать внимание общественности к православным делам.

Несколько сотен добровольцев вместе с отрядами ОМОНа прочесывали подмосковные леса. Приехавшие из столицы волонтеры расклеивали листовки, опрашива-

ли местных жителей, давали умным собакам понюхать головные платки пропавших девочек с надеждой, что собаки смогут взять верный след.

Жители Молчанова по большей части оправдывали название своей деревни. Не будет приюта – не будет работы, люди хорошо это понимали. К тому же здесь не любили чужаков.

Заброшенные деревни умирали вместе с обитателями. До тридцати лет здесь мало кто доживал, люди поголовно спивались или погибали в драках за бутылку самогона.

В Молчанове насчитывалось несколько улиц с деревянными постройками восемнадцатого и девятнадцатого века. Православный интернат выделялся на фоне черных бревенчатых изб. Рядом с ним во время перестройки на деньги какого-то мафиози, в приступе благочестия пожертвовавшего церковникам щедрый куш, наскоро возвели храм с колокольней.

Шагая по лесу, Глафира вспоминала, как священники, тучные мужики в черных рясах, с густыми бородами и мощными золотыми крестами на шеях, выходили из иномарок поклониться у церкви. На Пасху по дорогам, утопающим в грязи и навозе, стекались верующие – преимущественно старики и старухи. Толпа пребывала в возбужденном состоянии. Все стремились приблизиться к иконе в человеческий рост и, перекрестившись, поцеловать ее. Кто клюкой, кто тумачами, кто грубым словом, они расталкивали воспитанников интерната, беззастенчиво отгоняя их от святыни. Однажды Глафира подошла совсем близко, но ее с силой оттолкнула костлявая старуха.

– Не мешай, девица, пошла прочь. Уступи дорогу! Мне грехи замолить надо. А у тебя еще полно времени! – зло прокричала она.

Вера порою принимает удивительные формы и проявления. В Молчанове жил старик, которого обитатели приюта называли дядя Ваня. Дядя Ваня был неплохим кровельщиком: помогал чинить крышу интерната.

Насмотревшись по телевизору передач о целебных свойствах детской урины, он стремился заполучить пахучего эликсира в избытке и заключил с монахинями сделку: два поросенка в год в обмен на мочу послушников. В комнате девочек немедленно поставили пластмассовый горшок и велели по-маленькому ходить туда.

– Буду продлевать себе жизнь! – радовался дядя Ваня. – Не только пить, но и купаться в полезном веществе!

Он приходил во двор приюта и забирал трехлитровые банки с уриной, заботливо выставленные монахинями. Пил урину, как воду, и мылся ею.

Однажды вечером дядя Ваня возвращался домой на велосипеде и попал под КАМАЗ.

– Царство ему небесное, – сказала Глафира, вспоминая эту историю.

Глафиру мало беспокоило, куда направилась Шухрат. В конце концов, каждый сам выбирает свою судьбу. О том, что будут волноваться родители, Глафира не тревожилась: они не обращали на нее внимания пятнадцать лет, с чего бы им начать именно сейчас?

На закате солнце окрасило лес розово-золотистым светом, деревья словно переливались в янтаре. Глафира решила заночевать в развилке дуба, обхватив руками ветки, но затея оказалась провальной: спать оказалось неудобно. Глафира спустилась, съела помидор и грушу, после чего улеглась под деревом, надеясь, что на нее не нападут звери и не укусит змея.

На лес опускалась ночь. Мысли о Святой земле кружили голову беглянки. «У животных нет души! Их надо

резать, есть и носить их шкуры. Они дарованы Господом для наших нужд!» – вспомнились Глафире слова монахинь. Но как же так? Откуда в людях столько злобы и желания потреблять? Почему нет высших идеалов, таких, что мы все, люди и звери, равны? Отчего Рене Декарт нес отборную ахинею о том, что животные лишены души и не испытывают боли? Декарт довел эту идею до такой крайности, что мог безжалостно вспороть любое животное. Он, как и Гален и Везалий, одобрял древние традиции вивисекции. И поднималась же у этих извергов рука привязать животное веревками, а потом без анестезии вырезать его сердце?

Разве у кошки Маты Хари нет души? Разве нет души у птиц и цветов?

Утром Глафира поняла, что у нее закончилась вода. Впереди были болота, от которых исходил зловонный запах. Соорудив посох из толстой ветки, Глафира пошла наугад и довольно быстро провалилась в трясины. Ужас охватил ее. Ей показалось, будто кто-то нарочно тянет ее вниз, и она вспомнила, что нужно принять любую позу, кроме вертикальной, иначе пропадешь, как пропала одна из героинь повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...».

Глафира ухитрилась сбросить рюкзак и вытянула руки вперед. Ошибкой было в самом начале совершать резкие движения и громко кричать, из-за этого она погрузилась почти по шею. С трудом, но Глафире удалось схватиться рукой за какую-то корягу. О том, кто придет за ней и придет ли, Глафира старалась не думать, потому что тогда ее сразу охватывала паника.

Ночью Глафира отыскала на небе звездочку и смотрела на нее, чтобы не уснуть. «Один, два, три, четыре...» – про себя считала она. Тяжело дышать, хватать губами торфяной воздух, но самым главным было под-

нять лицо и не двигаться, чтобы болото полностью не поглотило ее.

Отсюда, из трясины, православный приют не казался таким уж невыносимым. Он представлялся ей теперь вполне пригодным для жизни, но находился за десятки километров, а может быть, и совсем недалеко, если заморочил леший и она ходила кругами. Монашки часто рассказывали воспитанникам про чертей, водяного и лешего.

К вечеру четвертого дня нашлась Шухрат. Она сама выбежала к поселку. Из одежды на ней были только трусы. Из ее сбивчивого рассказа выяснилось: в лесу на нее напал охотник, попытался изнасиловать. Но Шухрат дала мужику ружьем по голове и смылась.

На вопрос, где Глафира, Шухрат уверенно отвечала, что по просьбе подруги она ее убила, труп расчленила и закопала, а где он, не покажет. Милиция словам Шухрат не поверила, продолжая искать беглянку.

Трос мерцал на солнце, как серебряная змейка. Глафиру насилу вытянули из трясины. Немытую, прямо из болота, повезли в отделение милиции – допрашивать. На допросе Глафира сообщила, что последние несколько лет за ней следит невидимая летающая камера, откуда доносятся голоса бесов, поэтому она решила исчезнуть, добравшись до Иерусалима, а подругу заранее попросила соврать про убийство, чтобы не искали.

Лев Арнольдович и Марфа Кондратьевна названивали семейному психиатру Зинаиде и так вопили в трубку, что той пришлось успокаивать их несколько часов кряду.

Когда Глафиру хмурые милиционеры привезли домой, я сразу отправила ее в ванную комнату.

– Полина, есть ли у животных душа? – спросила меня Глафира, попутно рассказывая о своих злоключениях.

– Конечно!

– Меня в интернате учили, что у животных нет души. В Средние века кошек сжигали на костре в клетках, над их мучениями смеялись, никто не верил, что им больно...

– Им больно, Глафира. У них есть душа, – подтвердила я, выдавая ей полотенце и шампунь.

– Теперь я знаю это наверняка, Полина, – сказала Глафира.

– О чем еще ты думала в лесу? – спросила я.

– О черте. Черт не захотел, чтобы я вошла в славный град Иерусалим! – призналась Глафира.

– Черт у вас в православном интернате учителем географии работает! – не сдержалась я. – Ты понимаешь, где находится Москва, а где Иерусалим? Блуждая по подмосковному лесу, в Иерусалим не попасть!

Глафира задумалась.

– Учитель сказал, что в Иерусалим можно попасть как угодно...

– Я сегодня же куплю тебе атлас мира, Глафира, – пообещала я.

Аксинья, похожая на крупного бражника, посреди ночи заскочила в гостиную, где спали я и младшие дети, тоскливо замычала, а потом отчетливо произнесла:

– Хочу мужика!

Теперь я была уверена, что не ослышалась. Я слезла со шкафа и поплелась на кухню, где Глафира рассматривала подаренный мною атлас и пила кофе.

– Аксинья говорит! – шепотом сообщила я.

– Еще как, – подтвердила Глафира. – Порой она произносит четкие фразы. Недавно я слышала, как она сказала: «Не хочу разговаривать! Не заставляйте!», показала мне дулю и ушла. Поэтому не думай, Полина, что она ничего не понимает. Она очень хитрая и просто не хочет работать по дому.

Аксинья продолжала мычать и голышом скакать по квартире.

Лев Арнольдович, услышав нашу беседу, тоже пришел на кухню.

– Угостите старика чаем, – попросил он. – Мне что-то не спится.

– Буду у Антилопы трудиться сутками, когда потребуется. Мама попала в больницу, и мне нужны деньги, – предупредила я его.

– Работодатели тебя эксплуатируют! – возмутился Лев Арнольдович.

– Они хотя бы за это платят! – возразила я.

– Мама не оставляет попыток вернуть меня в приют, – как бы невзначай сказала Глафира. – Но главный батюшка заявил, что не примет.

– Где же ты будешь обучаться? – спросила я.

– Нигде! Мама сказала, что сама меня всему научит! – ухмыльнулась Глафира.

Не выдержав, я прыснула от смеха. Лев Арнольдович тоже фыркнул. Учеба для Глафиры закончилась навсегда, это было ясно как божий день.

Утром по радио передали штормовое предупреждение, но на деле за окнами накрапывал мелкий дождик, а ветра и вовсе не было.

Мы с Никитой отправились гулять в лес, который начинался через квартал от многоэтажки, а Бизон унес ключ от квартиры на работу, и нам пришлось ждать, когда из школы вернется Гарри. Искупав и накормив малыша, я уложила его спать. Никита мирно сопел под вспышки разноцветных молний. А мы с Гарри на кухоньке играли в карты и лакомились трубочками с кремом.

– У тебя в школе есть друзья? – спросила я.

– Няня Полина, вы уже взрослая, а задаете такие наивные вопросы! В реальной жизни есть конкуренты, соперники и временные союзники! Запомните это, – поучительно ответил мне Гарри. – Другое дело, мир магии. Там возможно все!

Шторм обошел Москву стороной. Грозовые облака к ночи совсем растаяли, в сером небе повисла желтая луна, круглая, как тарелка, а в дом Тюки прибыла новая семья чеченцев: несколько бородатых мужчин, беременная семнадцатилетняя девушка по имени Макка и бабушка Сацита.

Тюка, явившись с митинга, бросила на них всех детей и отправилась к Ларисе и Халилу потолковать о раннем христианстве. Аксиныя этим воспользовалась и съела килограмм сливочного масла и полтора килограмма домашнего сыра, привезенного гостями. Глафире, которая находилась во власти захватившего ее романа, старшая сестра до крови расцарапала плечи.

Марфа Кондратьевна не любила Аксиныю и с трудом выносила Глафиру, но души не чаяла в Христофоре. Ульяна и Любомир жили сами по себе, на нейтральной территории, между ненавистью и любовью матери. Чтобы заставить Аксиныю выпить таблетку, ей угрожали отверткой. Несколько раз я видела, как Марфа Кондратьевна, приставив к горлу дочери острый наконечник, заставляла ее подчиниться.

– Ты не понимаешь, с ней только так и можно. Заставить, припугнуть... Она же буйная. Я этому в тюрьме научилась! – объясняла она свои действия.

По возвращении с работы меня ждали жалобы Христофора, Ульяны и Любомира:

– Еда исчезла из-под носа! Полина, помоги! Мы есть хотим!

Вид у детей был несчастный.

– Хорошо! Но для начала – переоденьтесь в чистую одежду. – Рваные, изгаженные майки и трусы следовало немедленно сменить.

Кошки крутились под ногами, истошно требуя корм.

Марфа Кондратьевна, вернувшись от приятелей, «утешила» Глафиру:

– Ты всегда будешь смотреть за Аксиньей!

Но Глафира неожиданно взбунтовалась:

– Нет! Я устрою свою жизнь так, как захочу! Мы уедем с папой в Израиль! И я выйду замуж! Полина говорит, нужно стремиться к своей мечте! Она купила мне атлас мира!

– Твой удел – присматривать за сумасшедшей сестрой, про другую жизнь даже думать не смей, забудь! – взревели Тюка.

Чеченцы молча таращили глаза.

Я вмешалась в разговор матери и дочери:

– Глафира, никогда не отступай от цели! Обязательно свали отсюда. Иначе будешь покусанная, с расцарапанными плечами и одинокая навеки.

Бородатые мужчины, Сацита и Макка, крутили головами, но не вступали в беседу, соблюдая традиции: в чужой дом со своим уставом не ходят. Тюка хотела со мной поспорить, но глянула на настенные часы, пробившие одиннадцать вечера, схватила с книжной полки в коридоре ворох бумажек и опрометью выскочила на улицу, на ходу крикнув:

– Опаздываю на митинг! Митингуем сегодня всю ночь, а завтра – застолье в «Мемориале». Там будут закуски и Глеб Рубин с частушками!

– Полиночка, ты дашь нам покушать? – спросил Любомир, когда за матерью захлопнулась дверь.

– Да, Любомир. Глафира, иди ставь чайник. – Я полезла в сумку за бутербродами.

В семь утра я уже шагала к дому Антилопы и Бизона. Вся моя жизнь была служением людям. Даже чтобы написать стихи, у меня не было времени. Поэтому я сочиняла их на ходу, надеясь, что однажды смогу записать, если не забуду.

Никита, завидев меня, сразу начинал прыгать в кроватке и тянуть ко мне ручки. Он ждал игры и чтения, я же старалась сделать вынужденную разлуку с мамой для него менее заметной, чтобы ребенок не нуждался ни в чем, окруженный заботой и лаской.

Возвращаясь в дом Тюки после насыщенного трудового дня, я издали заметила гостей из Чечни. Мужчины, среди которых был старик Ибрагим, муж Сациты, сидели на корточках у подъезда и грызли семечки. Макка стояла рядом с братьями и дедом. Она была в длинном халате в мелкий горошек. Бабушка Сацита куталась в теплый платок, несмотря на июнь. Руки у нее дрожали. Задрав головы к небу, чеченцы смотрели на пассажирские самолеты, идущие на снижение в аэропорт Домодедово.

– Я часто думаю, что какой-то из них может упасть прямо на дома, – сказала я землякам.

– Да! Мы тоже так думаем! – согласились они. – Просто не хотели произнести это вслух! Не к добру говорить такое, злые духи могут услышать. Не приведи Аллах, случится катастрофа!

Мы помолчали.

– Знаешь, Полина, мы выбегаем на улицу подышать в ужасе от обстановки. Всегда так у правозащитников живется? – спросил старый Ибрагим.

– Всегда, – подтвердила я.

Марфа Кондратьевна гвоздями забила в квартире все окна, чтобы они не открывались и ей не нужно было следить за Аксиньей. Глафира же успела рассказать чеченцам, что ее преследует невидимая летающая камера.

– Шизофрения! Крыша у них уехала! Хозяйка с маленькими детьми ушла на митинг, – качали головой Ибрагим и Сацита.

– Детям непросто приходится, – сказала я.

– Я хочу, чтобы мой ребенок родился в Европе. – Макка вздохнула.

Ее мужа – девятнадцатилетнего парня – при зачистке убили русские военные.

– Подложили гранату, якобы его, а он пастухом был, коров пас, – жаловались чеченцы. – Все знают, что он невиновен. Все село знает! А нас теперь преследуют, чтобы молчали...

Поднявшись на свой этаж и зайдя в квартиру вместе с гостями, я увидела: Глафира в свитере и джинсах лежит в ванне, до краев наполненной ледяной водой, и стучит зубами.

– У меня и вторая сестрица окончательно чокнулась, – сообщил Христофор, не отрываясь от экрана телевизора, где прыгали смешарики.

Аксинья, как обычно, слонялась по квартире нагишом и мычала.

Около получаса я убеждала Глафиру, что «невидимая летающая камера» отправилась по секретному заданию в космос, поэтому можно выходить. Для убедительности я зажгла фонарь из цветного стекла, который Глафира хранила на антресолях.

– Ты веришь, что летающая камера существует? – спросила я.

– Камера реальна, Полина, как ты и я, это колдовство, – ответила Глафира.

– Ты ее сейчас видишь?

– Она существует, она летает.

– Тогда ты должна заметить, что камера улетела. Выходи, пожалуйста.

- Я ее чувствую, она поблизости крутится.
- Нет ее.
- Здесь она.
- Кто ею управляет?
- Нечто по имени Колдовство.
- Камера улетела.
- Камера здесь, камера злая.
- Камера не может быть все время на одном месте.

К тому же я зажгла фонарь! Ты видишь, как переливаются стеклышки?

Глафира, посмотрев на фонарь, улыбнулась:

- Вижу, но она меня все равно преследует.
- Вылезай из ледяной воды, ты замерзнешь.
- Колдовство скоро вернется.
- Больше не вернется.
- Невидимая камера всегда может вернуться.
- Но я не допущу этого.
- Ты спасешь меня?
- Спасу.
- Где сейчас камера?
- Ее больше нет.
- Где сейчас камера?
- У нее другая цель. Вне пространства Земли.
- Где сейчас камера?
- Она улетела в космос.
- Ты клянешься?
- Клянусь.

Это подействовало. Глафира согласилась выйти, снять с себя мокрую одежду, надеть халат и выпить горячего чаю с шоколадом.

Лев Арнольдович, сидя в кухне и услышав, что «злая летающая камера» отправилась на Сириус, хлопнул рюмку коньяка и начал декламировать стихи Маяковского:

– А мы –
не Корнеля с каким-то Расином –
отца, –
предложи на старье меняться, –
мы
и его
обольем керосином
и в улицы пустим –
для иллюминаций.

Заметив вытянувшиеся лица чеченцев, которые робко выглядывали из гостиной, Лев Арнольдovich объяснил:

– Вот и дожил я до седин! Моим детям осталось только облить меня керосином и поджечь. Все остальное от них и от женушки своей я уже претерпел. И буду я бежать по улицам и пищать, как обгоревшая крыса...

– Помилуй, Аллах! – ответили на это чеченцы.

Допив бутылку, Лев Арнольдovich решил поупражняться в умении наводить порядок. Меня, Глафиру и Христофора он запер в гостиной вместе с чеченцами, захлопнув дверь и перегородив проход стремянкой.

– Всем спать! – громко заявил он.

Макка просилась в уборную. Бесполезно.

– Раньше надо было думать! – сказал захмелевший Лев Арнольдovich.

Глафира и Христофор забились в кресло у лоджии. Я забралась на шкаф, остальные, достав из горы белья пледы и подушки, разместились на полу и поломанном диване.

– Хорошо, что папа не добрался до нас, как до Мяо Цзэдуна! – сказала, зевая, Глафира.

– А в чем дело? – спросила я.

– Папа гонялся за кошками по лоджии и перевернул горшки с цветами, – пояснил Христофор.

– Теперь там толстый слой земли вперемешку с растениями, лыжами и мешками... Можно, если сильно захочется, сходить в туалет туда, – подвела итог Глафира.

– Спокойной ночи! – пожелали нам Ибрагим и Сацита. Как же они ошибались...

Во втором часу ночи явилась Марфа Кондратьевна. За ней, спотыкаясь от усталости, плелись Ульяна и Любомир. Оба ребенка были в памперсах и горько плакали. Аксинья, воспользовавшись возникшей суматохой, решила стянуть с детей памперсы и пожевать вату, пропитанную мочой. Грозно рыча, она принялась осуществлять задуманное, но вмешался отец. Лев Арнольдович насили отобрал у нее грязные памперсы, а затем, судя по хлопку, стукнул ее ими же по лицу. И, повернувшись к супруге, закричал от негодования:

– Где тебя черти носили, Тюка?!

– Что ты орешь, старый мерин?! Я на митинге была! – Марфа Кондратьевна пошла в атаку: – Тебе что, жить надоедо?! Забыл, мужик сибирский, как я тебя в белокаменной пригрела?!

– Я... я... я... – Лев Арнольдович от обиды не мог подобрать слова.

Мы вскочили и приникли к дверям гостиной, пытаюсь сквозь тусклые узорчатые стекла рассмотреть происходящее.

– Если начнется драка, разведем их, – решили сыновья Сациты.

Ульяна и Любомир, стоя без штанов посреди прихожей, продолжали хныкать.

– Я договорилась с руководством православного интерната. Монахини приедут и заберут Глафиру. Она не будет крутиться у меня под ногами! Три месяца исправительных работ на огороде с утра до вечера. Плюс пост

и молитвы. И она искупит свою вину перед Господом! – кричала правозащитница.

– О нет! Я покончу с собой! – воскликнула Глафира, стоя между мной и Маккой.

– Бежим с нами, – предложила ей Макка.

– Нет! Не отдам дочку в эту преисподнюю, Тюка! – неистово заорал Лев Арнольдович. – Там живут дети алкоголиков и проституток! А взрослые над ними издеваются!

– Это православный интернат! Запомни! Никакая это не преисподняя! – Марфа Кондратьевна агрессивно размахивала авоськой у него перед носом.

– Не отдам! Не надейся! Только через мой труп! – отчаянно визжал Лев Арнольдович.

– Что же, выходит, зря я на храм пожертвовала столько денег? – обмякла Марфа Кондратьевна.

– Зря! – отрезал Лев Арнольдович и, отбежав, заперся в своей комнатке, где разгневанная отсутствием возможности жевать памперсы Аксинья с воем переворачивала мебель.

Марфа Кондратьевна ушла в кабинет.

Ульяна и Любомир уселись на пол. Любомир начал играть с остатками разорванного грязного памперса.

– Дети, идите спать! – попросили их чеченцы.

Мы отодвинули лестницу, которая подпирала дверь в гостиную, и Макка помчалась в уборную.

Под утро мне приснилось, будто два демона пытались умыкнуть Глафиру, а я защищала ее и читала молитву из Корана.

– Мы все равно вернемся! – пообещали демоны и растворились в пространстве.

Ранним утром позвонила Антилопа и сказала, что у меня незапланированный выходной – на сегодня няня была им не нужна, а как дальше – она скажет. Умывшись,

я отправилась в магазин с твердым намерением купить муки и испечь на всех лепешки. Чеченцы, узнав об этом, одобрительно закивали.

Пока меня не было, Глафира маршировала по квартире. У нее что-то висело изо рта, и, когда чеченцы присмотрелись, поняли, что это тесемка, а на тесемке болтается резиновая акула. На вопросы Глафира не отвечала, фыркала и трусила головой. Как только я пришла и сообщила, что скоро будет еда, Глафира вытащила изо рта тесемку и завопила:

– Полина, милая, готовь! Есть хочу! Есть!

– Мы с голоду пухнем! – Христофор выглянул из-за телефона, где играл в войну.

Сацита и Макка взялись мне помогать, заодно выражая опасение, что в семье правозащитников все безумные.

– Боюсь родить раньше срока! – пожаловалась беременная.

Пока мы были на кухне, Марфа Кондратьевна заперла нас на ключ. Чеченки не на шутку перепугались. Мне пришлось выбираться через кухонное окно и лезть по лоджии в гостиную, чтобы отыскать Льва Арнольдовича. Он потребовал у Марфы Кондратьевны объяснить, что происходит.

Та прикинулась глухонемой.

– Если сейчас же не откроешь кухню, я выбью дверь ногами! – закричал Лев Арнольдович.

Тюка презрительно расхохоталась. Но ключ тут же был хладнокровно передан Льву Арнольдовичу.

Наевшись лепешек с творогом, чеченцы завели беседу о том, что Марфа Кондратьевна обещала им сделать временную регистрацию в Москве.

– Она клялась помочь с изданием дневников, перевезти мать в столицу и не сдержала ни единого слова, – сказала им я.

Но чеченцы упрямо твердили свое.

Марфа Кондратьевна, услышав о намерениях гостей, просунула голову в дыру:

– Мне почему-то никакая регистрация в Москве не требуется!

– Конечно! Ты же москвичка! – напомнил ей Ибрагим.

Макка заплакала:

– Мне нужно в больницу! Но без временной регистрации меня не примут! Медицинского полиса нет...

– Не переживай, – подбодрила ее защитница прав человека. – Как войдешь в приемный покой, сразу падай в обморок. – И ушла в кабинет дописывать статью.

Вечером Христофору места для сна не досталось, и он отправился на лоджию. Разгреб мусор и взобрался на тумбу для обуви.

– На ней буду спать! – объявил мальчик.

Отец принес ему одеяло, пахнущее помойкой.

– Когда я был маленький, я тоже любил спать на улице или на балконе! – поделился воспоминаниями Лев Арнольдович.

– Когда ты был маленьким, существовали балконы? – поддел отца Христофор. – Я-то думал, тогда жили динозавры и люди обитали в пещерах.

Отец обиделся.

Макка настойчиво звонила тетке во Францию, и под длинные гудки, уходящие вдаль, мы заснули.

Бизон и Антилопа, посоветовавшись, решили отправиться на отдых в Финляндию. Я осталась со своими проблемами одна и без копейки денег. Мне оплачивались только рабочие часы. Ульяне исполнялось шесть лет, и я пообещала сводить ее в кинотеатр. Срочно требовалось найти хоть какой-то заработок.

Мне попало в интернете объявление о том, что в богатом районе Подмосквья требуется няня. По указанному адресу расположился особняк в готическом стиле, окруженный забором в виде тяжелого чугунного кружева.

Экономка в классической униформе, почтительно склонившись, представила меня хозяйке – молодой женщине презентабельной внешности, встретившей меня в растянутой мужской рубашке на голое тело. Зевая, дамочка читала гляцевый журнал, полулежа на мягком диване, обтянутом нежной телячьей кожей. Ее голые ноги были брошены на спинку дивана. Шкура полярного медведя небрежно лежала в гостиной на первом этаже и сочеталась с бледно-голубой рубашкой хозяйки и двумя хрустальными люстрами-медузами, свисающими с потолка на прочных металлических цепях. На стене в скромной деревянной раме висел портрет российского президента. Взгляд его был прост, и только полуулыбка выдавала в нем человека ироничного и властного.

– У нас четыре няньки, нужна пятая, – не глядя на меня, бросила хозяйка. – Иди, тебе выдадут одежду.

Больше на меня она внимания не обращала, имени моего не спросила, рекомендации не посмотрела. Я поняла по кивку экономки, что нужно следовать за ней. Мне выдали коричневое платье из хлопчатобумажной ткани, чепец, фартук и туфли, после чего отправили по винтовой лестнице на третий этаж к мальчику. Его сестренки еще спали.

Вокруг наследника суетились работницы из Таджикистана и Узбекистана, которые плохо говорили на русском языке.

– Руку целуй, когда встречать, – шепнула мне одна из них.

– Что делать? – Я не верила своим ушам.

– Руку целовать. Здесь всюду камеры. Хозяин будет смотреть потом, – объяснила смуглая женщина, волосы

которой были заплетены в несколько десятков мелких черных косичек.

– И не подумаю! Могу поиграть в мячик. Хочешь играть? – спросила я трехлетнего мальчика в расшитом бисером и явно неудобном пиджачке.

Он радостно закивал.

Няньки с недоумением на меня воззрились, одна даже закрыла ладонью рот и удрученно вздохнула.

– Его отец – барин! В Госдуме спит. Важная птица! – сказала самая юная из няnek.

– Что делает?! – переспросила я.

Женщины средних лет на нее зашикали.

– Ребенка как зовут? – спросила я.

– Максимилиан Сергеевич!

– Максим, пойдем поиграем? – позвала я мальчика в игровой зал с панорамными окнами. Там стояли карусели, привинченные к полу, и сверкали маячками заводные гоночные машины разных цветов, здесь же находилась большая пластмассовая горка. Максим доверчиво побежал за мной. Он был светловолос, боек и упитан. Мальчик забавно пищал, пыхтел, пытался говорить, но получалось бессвязно. Ему понравилась игра с мячом.

Три няньки стояли навтыжку у стены.

Когда мальчик упал, они наперегонки подбежали к нему и подняли, не забыв поцеловать ручки.

– Господин наш! Господин! Как вы, Максимилиан Сергеевич? – заголосили они.

Сорванец выдал им «би-би-ми».

Пора было на прогулку.

– Где его вещи? – спросила я.

Мне на втором этаже показали шкаф с десятками ящичков.

– Здесь фраки, пиджаки, рубашки, воротнички... – перечисляли няньки.

– Где футболки и шорты? – спросила я.
– Здесь, но лучше вести его в сад во фраке...
– Если девочки проснулись, покормите их и приходите к нам, – отдала я распоряжение, вытаскивая одежду по погоде.

Няньки закивали, а со мной осталась самая юная, худенькая и глазастая, она помогла мне одеть ребенка, который крутился как юла.

– Важный русский нянь возьмут, а меня пинать нога, – заплакала девушка с косичками.

– Не расстраивайся. Меня пригласили на несколько дней. И я не уверена, что останусь. Мне здесь не нравится.

– Ты русский? – Она посмотрела на меня доверчиво.

– Я из Чечни!

– А меня звать Гюльчатай, можно Гюля, – заулыбалась узбечка. – Моя знать по телевизору, что в Чечня был большой война. Я русский язык сама учить и понимать. Старшие меня не пускать к маленький господин, а я тебе буду помогать.

– Спасибо, Гюля!

– Я из Ташкента приехать.

Спустившись с крыльца, мы отправились гулять по цветущим аллеям, где под классическую музыку журчали фонтаны, выбрасывая вверх упругие струи воды. Чаши из мрамора были украшены фигурками ангелов.

Гюльчатай не упустила возможности излить душу:

– Документ барин отобрать. Домой не пускать. Денег нет. Если барин злой, бить будет. Жена красивая, а нрав как у тигра! По лицу она меня бить.

– Уходи из этого дома, – посоветовала я.

– Надо другой работу искать! – согласилась Гюля.

– Дети у них хорошие.

– Другая мать рожать, они покупать, – заверила меня она.

– Суррогатная мать?!

– Модель не рожать сама, ей нельзя красота испортить, – кивнула моя спутница.

Мы увидели дородную русскую женщину лет пятидесяти в трикотажном платье – она, не разгибаясь, полола грядки.

– Здравствуйте! – поздоровалась я.

– Ты новенькая? – спросила женщина.

– Вы отдохните, вы же устали, – сказала я.

Пот по ее лицу тек градом. Густая прядь черных с седой волос выбилась из-под тонкой косынки.

– Я живу здесь с мужем и детьми по милости хозяина. Чтобы иметь крышу над головой, приходится днем и ночью работать. Доля у нас такая, – сказала женщина.

Покосившись на окна особняка, работница подошла к нам.

– Ярослава, – представилась она.

От Ярославы я узнала, что раньше она жила у другого богача, через поместье, но тот напивался и в белой горячке стрелял из ружья по «дворовым». Она с мужем и детьми оттуда сбежала. Сейчас ее дочери подросли и помогают матери с прополкой.

– Мой прошлый хозяин был плохим человеком, бил меня, денег не платил, – доверительно сообщила Ярослава. – Его давно объявили в международный розыск. Он торговец оружием. Сама по телевизору видела в новостях. По главному каналу говорили.

– Как же он на Рублевке живет?! – изумилась я.

– Так все знают, где он живет. Никто его не трогает на самом деле.

В окно особняка выглянул охранник, похожий на бегемота, и Ярослава, заметив его, схватилась за тяпку:

– Идите, не отвлекайте, мне работать надо. Мой хозяин платит деньги. Крышу над головой нам потерять нель-

зя. Куда мы пойдём? На помойку к бомжам? Здесь таких, как мы, много, все услужить господам рады.

На аллее показались няньки с воспитанницами. Девочки-двойняшки были одеты в атласные костюмчики. Несмотря на то, что им исполнилось по два года, они требовали везти их в коляске, наотрез отказываясь идти ножками.

Максим бегал вокруг меня, а когда я прочитала ему стихи собственного сочинения о волке и мышах, полез обниматься.

Вокруг особняка притаились домики для прислуги, похожие на дешёвые гостиничные номера. Когда мы завернули за них, я увидела мощные железные клетки, в которых сидели тигры и волкодавы. Пять пар тигриных глаз и пять пар собачьих встретились со мной взглядом. Один из тигров грозно зарычал.

– О боже! – невольно вырвалось из моей груди.

– Не пугаться! Тебя не трогать! – ободрила Гюльчатай. – Сторож есть и охрана.

– Мяу-мяу! Гав-гав! – сказал Максим.

– Зачем это понадобилось? – спросила я Гюльчатай.

– Ночью, когда все спать, барин тигров выпускать. Кто без спроса придут, тигры кушать. Если тигры спать, волкодавы служить.

– Уже кого-нибудь съели?

Испуганно озираясь по сторонам, она шепнула:

– Да. Хозяин велел закопать, что осталось, в огороде, где капуста.

Садовники деловито стригли газон, удобряли саженцы. Никто не обращал на меня внимания, но нутром я чувствовала опасность, хотя тигры и волкодавы были заперты в клетках, ничуть не менее прочных, чем в настоящем зоопарке.

Няньки из-за накапывающего мелкого дождика вернулись с девочками в дом, а мы с Максимом остались.

– Пора домой, господин, – попросила Максима Гюльчатай.

– Не! – ответил мальчик.

Он взял меня за руку и повел в песочницу.

– Я дождевик вам приносить, – сказала Гюльчатай.

На хозяйском огороде позади дома работали женщины, а рядом бегали их дети. Это были люди из русских деревень, из Украины, мигранты из Азии, которым разрешили жить в сторожках вокруг дворца. Так выглядело новое крепостничество. Работники жили целыми семьями на территории, принадлежащей крупному государственному чиновнику. Гюльчатай сумела рассказать мне несколько историй из их жизни – звучало печально.

В какой-то момент я задумалась о смысле бытия, а Максим, стукнув по куличуку пластмассовой лопаткой, произнес:

– Гав-гав!

Оглянувшись, я поняла, что сторож упустил волкодава и огромная белая собака с кудрым хвостом, оскалив клыки, вырвалась из клетки и несется прямо на нас. Прикинув расстояние до особняка, первое, что я сделала, схватила на руки ребенка. Волкодав на секунду-другую замешкался, а затем вцепился мне в ноги.

Я старалась поднять ребенка как можно выше, а пес встал на задние лапы, пытаясь достать малыша. Словно в густом тумане, я видела, как со всех сторон ко мне бегут рабочие, прислуга, няньки, охрана... Полуголая модель с обнаженной грудью заливалась криком, перегнувшись через балкон третьего этажа.

На собаку набросили веревку с петлей на конце и оттащили от меня. В доме мне перевязали раны и предложили отвезти в больницу, но я отказалась.

Пока меня перевязывали, всплыло в памяти, как на даче у друзей Антилопы меня покусал охранный пес. Антило-

па с хозяйкой очень перепугались. Пес был обучен кусать чужих людей и сидел на цепи, а выпустили его случайно. Хозяйка плакала, Антилопа дала мне денег на новый костюм и, узнав, что я без претензий, сказала: «Полина храбрая – у нее в роду казаки!»

Сейчас, как только все улеглось, мама-модель заявила:
– Денег за сегодняшний день не дам! Но волкодава прикажу пристрелить!

– Мне не нужны ваши деньги, – сказала я. – Не трогайте собаку!

– Но она вас покусала! – поджала пухлые губы женщина.
– Ее этому научили – бросаться на чужаков. Она выполняла свой долг.

Слов благодарности за спасение ребенка я не услышала.

Расстроенная, покусанная, я возвращалась в дом Тюки. Сотовый телефон задребезжал в сумке, и я случайно услышала его жалобный писк.

– Мы по объявлению! Здравствуйте. Можете пять дней понынчить ребенка? – Незнакомая девушка продиктовала адрес.

Я приехала на станцию «Новослободская», оттуда на маршрутке – до торгового центра. За ним, во дворе, стояла нужная мне многоэтажка. Дверь квартиры открыл мужчина преклонных лет, из-за него выглядывала девушка лет двадцати. Это она мне звонила.

– Нам нужно срочно уехать. Можно на вас ребенка оставить? У нас мальчик Федор, ему семь месяцев.

Пока я соображала, что хорошо бы показать им свои документы и посмотреть на их, родители, оставив меня в прихожей, с чемоданами на колесиках стремительно направились на лестничную клетку.

– У нас самолет через три часа. Мы вернемся и вам заплатим. Еда на неделю есть, в морозилке курица, суп

сварите. Если что, мелкие деньги в ящике буфета, – продолжала тарыхтеть девушка.

Я подошла и открыла ящик резного буфета из красного дерева. В нем лежало пятьсот рублей.

– Хватит? – спросил мужчина.

– Как вас зовут? Я – Полина. Где ребенок?

– Он сейчас спит в кроватке. У нас наметились срочные дела. Не переживайте... Федора кормите, гуляйте, и вот ключи, кстати, ловите. Такси нас уже ждет. Мы вернемся и заплатим за каждые сутки по тысяче рублей. Добро? – уточнил мужчина.

Я автоматически кивнула, поглаживая покусанные ноги. Дверь за ними закрылась.

Походив по добротно обставленной квартире, я обнаружила четыре комнаты: детскую, гостиную, спальню родителей и спортивный зал, еще была просторная кухня и прихожая, в ней стояли пальмы в кадках.

– Слава богу, что тебя оставили мне. – Я склонилась над кроваткой, в которой лежал малыш. – А если бы не мне? Злых людей полно на свете. Нельзя доверять первому встречному...

Малыш улыбнулся.

Люди оставались для меня загадкой.

В коридоре стояла коляска. Мы с Федором вышли на улицу. Связка ключей оттопыривала мне карман. Как они могли доверить мне ребенка? А если я его украду? Если я – маньяк? Они даже не знают моего имени. Конечно, я буду относиться к ребенку бережно, купать и кормить, но что же это за папа и мама...

Придя с прогулки, я посмотрела, есть ли в доме книги и какие. По ним можно судить о людях. Если в доме нет книг, значит, и люди пустые, как битые зеркала. Книг я не нашла. Под ворохом желтых газет я обнаружила фотоальбом. Фотографии фиксировали время и место со-

бытий: тоненькая девочка-танцовщица в сельском клубе несмело улыбалась в объектив; на других, более поздних фото ее волосы из темно-русых стали белыми, губы из нежно-алых превратились в кроваво-красные, а еще чуть позже рядом с ней появился пузатый лысоватый продюсер. Федор был плодом их встречи. Он ничего не понимал, искал глазами маму, но быстро привык ко мне.

За ночь малыш просыпался несколько раз, я брала его на руки, качала и пела песенки, а он искал грудь, но я могла предложить ему только смесь из бутылочки.

– Ты мой ангел, кушай, – уговаривала я Федора.

Дни стояли теплые, зеленые деревья настраивали меня на мечты. Стараясь проводить побольше времени в ближайшем к дому парке, я брала семечки и орешки для белочек. Прохожие смотрели на меня с уважением: молодая красивая мама с ребенком кормит пушистых зверьков.

Некоторые умилялись вслух:

– Какой у вас сыночек чудесный! Ах, какие щечки!

Я объясняла, что я – няня, а иногда просто улыбалась в ответ.

«У меня будет дом и будет сын, – думалось мне, – когда-нибудь обязательно, но не сейчас, поскольку нужно найти того, кого я люблю». Возможно ли это? Что делать посреди непроглядной бездны? Как найти соломинку, чтобы удержаться? И соломинкой был Федор, который рассматривал птиц, лужайки и клумбы, открыв рот от изумления.

Христофор, Глафира, Любомир и Ульяна тоже не забывали меня.

– Куда ты пропала, Полина? Где еда?! Нам плохо! Мамы нет, папа выпил и спит... – доносилось из трубки.

– Есть запасы гречки и картофеля в тумбе для обуви, приготовьте, я вас учила, потом разбудите отца и топайте в лес на прогулку, – диктовала я.

– Ты когда придешь домой, Полина? – Дети ждали меня.

– Заработаю немного денег и приду. Обещаю. Что вам купить?

– Торт со сливочным кремом и лебедями! Как придешь, справим день рождения Ульяны! Торт нужен большой! На нем лебеди из печенья! Он стоит четыреста рублей в супермаркете! – звонко перекрикивал остальных Христофор.

– Колу! Колу принеси! – отпихивая брата от трубки, кричала Глафира.

– Сосиски из курочки! – тихими голосами просили Ульяна и Любомир.

Торт со сливочным кремом продавался в магазине за углом. Мимо этого магазина мы часто ходили в пиццерию забирать остатки пиццы.

Ночью, глядя из окна на тусклые звезды, я пыталась понять, что делаю здесь, и не получала ответа. Заработать, чтобы купить жилье, было невозможно, построить карьеру – тоже, помощи ждать неоткуда. Мне оставалось только сохранять наши строгие традиции: не пить, не курить, не общаться с противоположным полом, просвещать окружающих о жизни Кавказа и находить в этом силы.

Позвонил мне на работу и Лев Арнольдович.

– Что за имя такое – Макка? – заплетающимся языком спросил он. – Странное имя, непонятное, по-русски звучит как «макака»...

– В Чечне это очень распространенное имя, – объяснила я. – Девочек так называют в честь священного города мусульман – Мекки.

– Да, другая культура, непонятная, – заключил он.

Через пять дней на пороге появились танцовщица и продюсер.

– Вот ваши деньги, – с порога заявили они, сгибаясь под тяжестью чемоданов.

– Ребенок здоров. Он играл, гулял... – начала я.

– Спасибо! – перебил меня продюсер. – Мы видим, что он живой. На том и ладно!

– Вам больше не нужна няня? – робко спросила я.

– Пока нет. Меня пригласили выступить, – улыбнулась девушка. – Обычно я сама его нянчу.

– Хорошо... если что, у вас есть номер моего телефона.

Я взяла пять тысяч рублей и, попрощавшись с Федором, ушла.

Пока меня не было, Макка родила мальчика. Рожала она в муках. Марфа Кондратьевна, спеша на митинг, случайно забрала с собой кошелек чеченцев. В кошельке лежала взятка для врачей, так как, разумеется, никакую регистрацию в Москве правозащитники гостям не сделали, а это означало, что и рожать Макке следовало в Чечне, по месту прописки. Врачи отчаянно требовали деньги и в отместку не сделали роженице анестезию. Макка рожала самостоятельно и чуть не умерла от болевого шока, разрывов и кровотечения. Два дня она провела в реанимации, а на третий день ее, бледно-зеленую, выставили вон. Марфа Кондратьевна переругалась с врачами роддома, которые все еще надеялись на бакшиш. Макка плакала и не хотела с Марфой Кондратьевной разговаривать, но та стояла на своем:

– Я москвичка! Пусть не умничают! Денег не дадим!

Мальчика назвали Ислам. Ребенок родился недоношенным, крихтел от болей в животике и жалобно пищал.

Младенца положили на диван, подлатанный мастеровитыми чеченцами изолентой и гвоздями, и кот Мяо Цзэдун незамедлительно взобрался на него верхом. Младе-

нец захрипел, а рядом – никого, все разошлись. Повезло, что я вернулась и прогнала кота.

– Наверное, кот принял его за мышь, – пошутил Лев Арнольдович.

Привет, Дневник!

Дети Тюки обрадовались торту и походу в кинотеатр на добрую сказку.

Антилопа и Бизон вернулись из отпуска. Провода от их ноутбуков теперь по всей квартире. На крошечной кухоньке целый день работает Бизон. Его офис закрылся.

Приходя утром, я беру Никиту, еду для него и до трех часов дня на глаза не показываюсь. Это крайне неудобно, так как я остаюсь без завтрака, обеда и отдыха. В туалет хожу под деревьями в лесопарке.

Дома Лев Арнольдович пьет коньяк и плачет по вечерам. Он мучается от постоянного шума и многолюдья. Выяснилось, что однажды он хотел умереть. Решил взять Аксинью, посадить в лодку, уплыть в море и перевернуться на большой глубине. Сейчас эта мысль опять захватила его. Мне однажды снился об этом сон. Полина.

Вернувшись с работы, я обнаружила, что дети в доме одни, а чеченцы переместились на улицу. Только Макка с новорожденным лежала на раскладушке Льва Арнольдовича.

– Вечер душный, давайте обливаться водой! – предложила я детям.

Христофор и Любомир, хохоча, наполнили пластиковые бутылки, проделали в них дырочки и побежали на улицу, поливая друг друга и прохожих: никто не возражал, жара стояла невероятная. Дети прыгали от восторга.

Тюка была недовольна.

– Посмотрите, что Полина творит! Мои дети бегают, смеются... – возмущалась она.

– Скажи ей спасибо, – посоветовал Марфе Кондратьевне Ибрагим. – Твои дети оторвались от телевизора, и с ними играют!

Засыпая в гостиной, мы долго разговаривали.

– Кто такие оборотни? В них есть кровь волка. Ты из Чечни, ты – волк. Поэтому собака-волкодав напала на тебя, – сказала Глафира.

– Полина, ты когда-нибудь видела оборотней? – оживились Ульяна, Христофор и Любомир.

– Однажды, когда я гуляла с Никитой в лесу, то видела души волков. А солдат Второй мировой, который курил, сидя на пне, кивнул нам и растаял. При этом Никита показал на него пальцем и сказал: «Дядя!».

– Ты испугалась? – спросили дети.

– Немного. После этого мы в некоторые уголки Битцевского лесопарка ходить перестали.

– В лесу всегда призраки, джинны... – встряли сыновья Ибрагима, лежа на матрацах в гостиной.

– Как-то мы с Никитой полдня провели у озера, дул ветер и раскачивал плавающие ивы, – рассказала я. – Мужчина и женщина ловили рыбу. Когда я увидела, что рыбка попалась, то стала приговаривать: «Рыбка, спасись! Рыбка, сорвись!» Рыба сорвалась и удочку за собой утащила. Мужчина кинулся за удочкой и провалился в воду по пояс. Никита хлопал в ладоши и смеялся.

– Если мама тебя прогонит на улицу, мы построим в Битцевском парке шалаш! – пообещали Любомир и Глафира. – Столбики вобьем в землю, брезент натянем. Постелем внутри сосновые ветки. Из родника воду принесем. Христофор будет следить за костром.

– А я буду воровать из магазинов еду! – сказала Ульяна. – Не пропадем! Я как-то уже стащила печенье и мармелад!

– В теплый подъезд переедем к зиме! Там батарея, – размечтался Любомир.

– У вас и план есть? – изумилась я.

– Да! – загалдели дети.

– Мы наследники квартир в Москве, когда вырастем, сами будем все решать. Мы сделаем тебе московскую прописку! Дадим комнату! Мы не поступим так подло, как мама, – пообещали Глафира и Любомир.

– Папа и мама все равно старые и скоро помрут! – добавил Христофор.

– Торт был вкусный! – вдруг вспомнила Ульяна.

– Крепкая у тебя защита, Полина, – подали с пола голос чеченцы.

Гости из Чечни быстро прибавлялись: наутро прибыло еще трое родственников этой семьи, они полностью заняли гостиную и захватили мой шкаф.

– Теперь мы тут будем жить!

Макка с Исламом перебралась на диван. А Христофору, мне и Глафире пришлось ночевать на лоджии. Туда поставили широкую, советских времен, тумбу для белья, похожую на длинный комод, и на ней можно было дремать, настелив сверху пледы.

Аксинья, Любомир, Ульяна, Тюка и Лев Арнольдович ютились на топчане и раскладушке в комнатке, выходящей окнами на лес. Аксинью такое положение дел не устроило – тесно, душно. И посреди ночи Аксинья на топчан по-тихому напрудила. Горячую воду на месяц отключили: в кране – ледяная вода, но семейство Тюки с воплями устремилось в ванную, благоухая мочой. Включили воду и завыли с проклятиями. Чеченцы, сообразив, в чем дело, истошно хохотали.

Лев Арнольдovich наградила Акси́ню увесистыми тумками и пинками, оттаскал дочь за волосы и заставил замыть топчан и постирать белье руками в ванне. После сурового наказания больная начала понимать человеческую речь, беспрекословно исполнять приказы и работала до утра.

Я, Сацита и Марфа Кондратьевна вначале пытались защитить Акси́ню от побоев, но у нас ничего не вышло: Лев Арнольдovich рычал и кидался с кулаками на всех. Когда он перестал таскать дочь за волосы и бить ногами, а заставил убирать, мы уже не вмешивались.

В предрассветной мгле наша тумба покачивалась, под ней скрипели ветхие лыжи, стоптанные ботинки, перевернутые цветочные горшки, и создавалось впечатление, что вокруг океан, а я, Глафира и Христофор, свесив ноги, плывем среди волн на какой-то развалине.

После ночных происшествий меня мучили кошмары. Не прекращал кричать младенец Ислам. Пару раз я едва не упала, потому что тумба, поставленная на гору хлама, усиленно охраняемого Тюкой и поэтому до сих пор не выброшенного на помойку, накренилась, подобно «Титанику». Мне удалось кое-как зацепиться за карниз, и в какой-то момент, закрыв глаза, я увидела пустыню. Навстречу мне шел Иисус в белых сияющих одеждах. У Иисуса были длинные каштановые волосы и лучезарная улыбка. Мы пошли рядом по горячему песку, раскалившемуся от солнца.

– В Библии написано, что я был в пустыне, – сказал Иисус. – Но не упомянуто про пещеры. Тайные тропы ведут в подземные города.

Он показал мне путь.

– В этих пещерах тысячелетиями идет битва между добром и злом, – продолжил Иисус. – Раньше битва казалась бессмысленной, потому что никто не одерживал

верх. Духи зла олицетворяли все мыслимые и немыслимые грехи людей, а духи добра были праведностью и светом. И силы их были равны.

Мне захотелось взглянуть на битву, и мы переместились во времени. Я увидела чудовищ с горящими глазами, настолько безобразных, разъяренных и окутанных зловонием, что бросилась прочь от страшного места. С чудищами сражались золотоволосые воины со сверкающими мечами.

– Было решено, – поведал Иисус, повернув время вспять, – что до определенного срока в мире людей будет править нечто, чтобы битва не была столь бессмысленной. И теперь это нечто решает, правит и судит. Поэтому все ангелы и демоны изменились.

Мы проникли сквозь время в точку отсчета, где произошла трансформация, и я увидела сияющего ангела с легкими пышными крылами и демона с козлиными рогами, источавшего мерцание ада. У демона не было лица, только маска злости. Священным мечом от каждого из них отсекали половину. Две части бесследно исчезли, а две объединились, и, по слову Бога, эта сущность стала живой. Наполовину ангел – наполовину демон.

– Теперь этот дух до срока управляет каждым из вас. Каждый из вас – часть его. Вам нужно сразить демона, но помните, что ангельского в вас не более половины, поэтому всегда ждите искушения от своей души, – отчетливо произнес Иисус.

Проснувшись, я увидела, что на моих часах шесть утра. Покачнувшись на криво стоящей тумбе, я слезла и, захрустев мусором, влезла через распахнутое окно с острыми пиками гвоздей по краям в комнату. Дверь на лоджию завалили тряпьем и заставили лыжными палками – ее было не открыть.

– Сон не к добру, – сказала я сама себе, умываясь над горой грязной посуды: она прилично выросла за ночь.

Субботний день предвещал работу допоздна. Меня ждала Антилопа. Пока я промывала глаза холодной водой, пришли воспоминания из детских снов. Как-то мне приснилось, что одна половина лица у меня божественно прекрасная, а другая – демонически хищная. Съев яблоко, припрятанное в рукаве, я доплелась до остановки и вошла в автобус, обдумывая слова Иисуса. Как только я уселась у окна, вошли контролеры.

– Предъявите проездные билеты!

Билета у меня не было. Я заплатила сто рублей – штраф. Контролерам, трем упитанным мужчинам, денег показалось мало. Они решили меня обыскать.

– На каком основании? – сопротивлялась я.

– Вы задержаны! – объявили контролеры.

Дело принимало серьезный оборот. Меня скрутили и вытащили из автобуса.

– Помогите! – закричала я.

Пассажиры и шофер втиснули головы в плечи. В нашей стране лучше не смотреть по сторонам – это граждане усвоили еще со времен НКВД.

Пошарив по моим карманам, отобрав сумку и летнюю куртку, на что, конечно, контролеры не имели никакого права, они вытащили карточку на проезд на имя Глафиры.

Многодетной семье москвичей полагались бесплатные карточки на проезд по городу, и Глафира иногда давала мне свою.

– Вот ты и попалась! – злорадно захохотали контролеры.

– Это проездной моей племянницы, – возразила я. – Вы не имеете право забирать его.

– А мы и не собираемся. Мы тебя заберем в милицию! Посмотрим, как ты в отделении запоешь.

– Что?! – закричала я, попытавшись вырваться.

– Мы проверим, есть ли у тебя прописка в Москве!

Они, не возвращая мою сумку, начали звонить в милицию, одновременно продолжая меня запугивать. Ни временной регистрации, ни постоянной прописки у меня в Москве не было. Значит, люди беззакония могли сотворить со мной все что угодно.

– Я москвичка, – сказала я как можно тверже. – И журналист. Про ваши аферы напишу в газету!

Мужики презрительно хмыкнули:

– А мы – воевали в Чечне! Добровольно пошли убивать черных! Ничего нам от твоей статейки не будет. Мы тут – единый закон!

Ситуация осложнялась тем, что у меня с собой была часть зарплаты, чтобы оплатить кредит, и я боялась, что прямо сейчас деньги отберут. Паспорт с местом рождения – Чечено-Ингушская АССР – лежал в маленьком отделении сумки. И деньги, и паспорт они еще не обнаружили.

– Давайте договариваться, – предложила я, взвесив свои шансы.

Контролеры-наемники довольно закивали, перестав перетряхивать мои вещи.

– Сколько вам надо? – как можно увереннее спросила я.

– Во сколько вы оцениваете свое благополучие? – Бандитам оказалась не чужда философия.

– Назовите сумму! – потребовала я.

– Сколько у тебя при себе денег? – спросил самый упитанный.

– Две тысячи рублей, – ответила я. На самом деле было больше. И они отобрали бы все, если бы нашли.

– Давай сюда! – потребовали мужики. – Иначе мы обвиним тебя, что ты ездила по чужой карточке, а в милиции разберутся, живешь ли ты здесь по прописке. И могут с тобой позабавиться...

Я забрала у контролеров сумку, ловко вытащила две тысячи и протянула им.

– Это тебе урок! – хищно схватив деньги, заявили они.

– Точно! – ответила я. – Урок, что из России надо бежать без оглядки.

Они разрешили мне взять куртку, а поначалу угрожали, что отнимут все. Прохожие не вмешивались, испуганно обходя нас стороной.

Добралась я до работы грустная, и тут позвонила мама.

– Наверное, победили ангелы. – Я рассказала ей свой сон.

– Нет, – возразила она, – победили и те, и другие. Каждый получил свое.

Вечером меня встретили хмурые чеченцы. Они возмущались отсутствием еды в доме Тюки и непролазной грязью. Несмотря на то, что Макка и Сацита усердно мыли и чистили дом Марфы Кондратьевны, все замусоривалось хозяевами с невероятной быстротой.

– Гаски хъак! Свиньи и есть! – возмущались горцы на родном языке.

– Неправильно так говорить, – возразила я. – Конечно, грязь страшная, огрызки повсюду, так уж они привыкли. Но ведь они нас не выгнали, приютили. Блаженные люди! А те, кто живет иначе, свой дом не превратят в проходной двор.

– Свиньи! Свиньи! – стояли на своем чеченцы. – Не защищай их, Полина!

Разуваясь с осторожностью, чтобы не угодить в лужу кошачьей мочи, я попыталась воззвать к совести кавказцев:

– У меня, например, не было отца. Лев Арнольдович его заменил. Дети, хоть и балованные, но мне они как братья и сестры.

– Русские тебе братья и сестры? Не позорься! Ты рождена в Чечне! – одернули меня чеченцы.

Слово за слово, и выяснилось, что младший брат Ибрагима раньше работал в московском казино.

– Как это?! – недоумевала я.

– У брата был крутой бизнес! Такие дела проворачивали, что тебе и не снилось!

– Да я не про это! Как же наши строгие традиции?!

– Ну и что! В казино чеченцы и чеченки тоже работают. Только не афишируют, кто они.

Мир открывался мне с другой стороны.

Дети Тюки пришли с улицы и, поняв, что еды со вчерашнего дня не появилось, спросили, где отец.

– Взял бутылку и ушел к Вахтангу Давидовичу, – ответили им чеченцы.

Мы с Глафирой попытались найти хоть какую-то еду. После войны я нередко делала запасы. В день зарплаты покупала гречку, перловку, рис и прятала в шкафы и тумбы, чтобы в случае голода мы не умерли. Порой запасы таинственно исчезали, но мы находили в местах пропажи консервы или муку. На этот раз я нашла целый пакет муки и решила испечь шарлотку.

Поставила пирог в духовку и попросила Глафиру его покараулить, так как Аксинья могла раньше времени вытащить и съесть. Через пять минут из печки повалил черный дым.

– Горим! – закричали чеченцы. – Пожар!

– Распахните окна! – скомандовала я, бросаясь к плите.

Открыв духовку, я не могла понять, что происходит: на противне лежало тесто и яблоки. Но что же горело?! Оказалось, что кто-то положил внутрь капроновые колготки и рейтузы: они и загорелись.

– Мама здесь переодевалась, – вспомнил Христофор.

Я порылась по карманам и повела детей в круглосуточный магазин за углом.

Христофор был очень доволен и все время повторял:
– Я как принц! Будет пир!

Засаленный жилет, одетый на мальчишку, заставил меня пошутить:

– Да, как принц Гаутама, когда он пришел к нищим.

После этого случая чеченцы начали поговаривать о том, что пора уходить. Они перебирали мешочки с золотом и ждали визу в Европу. Доллары и драгоценности хранили на себе.

Мало кто знает о традиции людей на Кавказе хранить банки с золотом в огороде. Прожив двадцать лет в Чечне, я этому не удивлялась: нам прятать в банки всегда было нечего, а соседки частенько недоедали, но шли на рынок и покупали золото. В большой чеченской семье стеклянную банку наполняли золотыми украшениями доверху и прятали на огородах для потомков или на черный день. Разумеется, прятали тщательно, в основном вывозили банки в высокогорные села, в городе старались этого не делать.

Мои одноклассницы, пока их не выдали замуж, нередко хвастались, сколько банок зарыли тети и дяди. Я никогда не придавала этому значения, поскольку не считала чужие деньги, но вот теперь, видя мешочки с золотом, убедилась в мудрости народа, который выживает, группируясь в сообщества, и всегда имеет заначку на трудные времена.

Накормив детей, я повела их гулять. Младшие дрались, я пыталась их разнять, Глафира невозмутимо подзывала голубей:

– Гуль-гуль-гуль!

Кто-то из соседей, выглянув с балкона, сделал ей замечание, чтобы она помогла мне разнять Ульяну и Любомира.

– Они все никак не убьют друг друга! – невозмутимо ответила Глафира.

Христофор, оторвав кусок от бордюра, запустил его в Любомира.

– Я сейчас вас, маленькие олухи, ремнем изобью! – зарорал лысый сосед со второго этажа.

Дети мгновенно бросились наутек.

Дома Акси́нья докучала чеченцам. Те пытались прикрыть ее наготу простыней, но внушительного вида девица мычала, пыхтела и не желала прикрывать срам.

Сацита, заметив меня, удрученно вздохнула:

– Есть чеченская поговорка: «Увидишь голую... – платья не купишь в этом году!». Теперь, насмотревшись на это в доме Марфы Кондратьевны, ни я, ни Макка никогда в жизни себе нового платья не купим!

– А я хочу покорить Эверест! – сказала нам Глафира.

– Для этого нужно много тренироваться! – заметила я, переодевая младших, чтобы уложить спать.

– Наша семья однажды покорила гору Шизе! – сообщила вдруг Глафира.

– Это точно! – захохотали чеченцы. – Шизе! Шизе!

– Есть такая гора в Краснодарском крае! – продолжала Глафира, не понимая, почему мы все безудержно смеемся. – Я, Акси́нья, Ульяна и мальчишки прошлым летом вскарабкались на нее с папой, а затем решили спуститься вниз по другому склону. Он оказался гораздо более крутым, чем тот, по которому мы поднимались! Мы побежали, вытянув вперед руки, натыкались на деревья, падали, а затем, кувыряясь, покатались. Кувыркались и летели вниз! Вот такая гора Шизе!

В выходной я взяла детей, и мы снова поехали на Воробьевы горы, посидели у Москвы-реки и поели мороженое, болтая о пустяках.

– О, смотрите, торпеда! – закричал Христофор.

Рядом с берегом пронеслась моторная лодка, и нас окатило волной. Мы оказались мокрыми с ног до головы. Сушили вещи мы часа четыре, расстелив их на траве. Я рассказывала детям истории о мистических снах и спасенных кошках.

– Здесь так красиво, Полина! – твердили дети. – Мы хотим возвращаться сюда снова и снова!

Ночью, задремав на лоджии рядом с Христофором, Глафирой и Ульяной, которая прикорнула на мешках с обувью, я попала в зеленый лес. В нем стояла неестественная, гнетущая тишина: птицы не пели, белки не прыгали с ветки на ветку, ветер не шелестел листьями. Я шла глубже, в чащу, и увидела, что на ветвях сидят мертвецы. Некоторые из них, судя по разлагающимся телам, умерли с полгода назад, кто-то – недавно, а другие были совсем древними истлевшими мумиями. И я сразу догадалась, что им страшно, их души мучаются, они далеки от безмятежности, потому что покой – самое желанное чувство во вселенной.

Мертвая девушка сидела в развилке кривой березы, привалившись к стволу. По состоянию ее физического тела, от которого шло трупное зловоние, я поняла, что умерла она давно.

– Заступись за нас, Полина-Фатима! Заступись за меня и за других мертвецов в этом лесу! Ты – оператор! Ты сможешь! – взмолилась она.

И в тот же миг я проснулась от жуткой тревоги и паники. Мой пульс зашкаливал. На потолке лоджии блестела полоска лунного света, пробившись сквозь мутные стекла. Рядом сопели девчонки и Христофор. Кто эти мертвецы в зеленом лесу? Когда они погибли? Что им от меня нужно? Почему они просят помолиться за них? Откуда знают имя Фатима? Так на чеченский лад звали меня в Грозном...

У древних народов был обычай размещать покойников в развилках деревьев, чтобы трупы склевали птицы. Неужели тех, кого так хоронили много веков назад, постигло несчастье после смерти и их души остались неприкаянными?

Как бы там ни было, я решила молиться до рассвета и просить Бога помиловать их. Пока я читала суру из Корана, ко мне пришла мысль, что теперь понятно, отчего некоторые покойники такие злые. Живым нет никакого дела до их мучений и страданий. Люди стараются поскорей отвязаться от них, зарыть, сжечь и продолжать жить, не задумываясь о вечности.

Я не заметила, как опять заснула и оказалась в том же самом лесу. И снова там стояла абсолютная тишина. Мертвецы с нескрываемым интересом рассматривали меня.

– Я попросила Бога, чтобы пришли ангелы и отвели вас в другое место! – с надеждой сказала я умершим.

– Не болтай глупости, Полина-Фатима! – одернул меня истлевший мужчина, покачиваясь на ветвях дуба. – За нами никто не придет!

– Да! – закивали мертвецы на соседних березах и липах. – За нами никто не придет. За нами никто никогда не приходит...

– Что же делать? – недоумевала я, расхаживая по тропинке.

– Раз ты явилась сюда, Полина-Фатима, увидела нас, да еще и помолилась за наши души, вероятно, тебе самой под силу отвести нас в другое пространство, – справедливо заметили некоторые покойники.

– Она – оператор! И может быть проводником! – вскричала мертвая девушка.

– Уведи нас отсюда! Пожалуйста! – раздались жалобные голоса.

– Как же я это сделаю?! Я ведь не знаю... – И тут я поняла, что главная помощь заключается в том, что, если хочешь помочь, ты должен сделать это сам.

И теперь я точно знала, куда их нужно вести.

– Идите за мной! – сказала я.

И случилось невероятное: мы перемещались в пространстве, неслись над туманами, покрывающими лесные болота с зелеными огнями, растворялись в радужном свете, пили солнечные лучи, умывались каплями дождя. И я привела их в иное место, более светлое и прекрасное, чем лес тишины.

– Спасибо! Спасибо, Полина-Фатима! – радовались покойники.

Когда я окончательно проснулась, то почувствовала, что так сильно устала, будто все происходило на самом деле.

После работы у Антилопы я кормила детей Тюки и гостей, купив в пиццерии горячие лавашы. На лавашы чеченцы поливали йогурты из разноцветных стаканчиков, и вся трапеза запивалась мутной водой из-под крана.

В Москве пить воду из-под крана неосмотрительно, и я купила очистительный фильтр. Но он по лености обитателей квартиры не использовался.

С какого-то очередного митинга явилась Марфа Кондратьевна, гремела транспарантами в прихожей. Лев Арнольдович с куском лаваша выскочил супруге навстречу и, сверкая глазами, сказал:

– Давай мне, Тюка, иглу и нить!

Марфа Кондратьевна пожалала плечами и, раскладывая красочные транспаранты на диванчике в прихожей, ответила супругу:

– Хрен тебе! – Затем она потянула носом воздух и, как ледокол, двинулась на кухню, расталкивая подвернувшихся детей и кошек.

Лев Арнольдович помчался за ней.

– Я считаю до пяти! – пригрозил он, едва не поперхнувшись. – Затем я порву свою рубашку в клочья! Ты, жена, не кормишь меня! Не зашиваешь рваные вещи! Ты приходишь домой в двенадцать часов ночи, а то и позже! И не хочешь дать мне иглу и нитку, когда на моей единственной рубашке зияет огромная дыра!

Чеченцы на лавках притихли.

– Когда мне «считают до пяти», я ничего делать не буду! – огрызнулась Марфа Кондратьевна, жадно схватив оставшийся лаваш.

– Отлично, женушка. – Лев Арнольдович кивнул и, хотя его попытались остановить старшие чеченцы, стащил с себя рубаху и разорвал на мелкие клочки.

Марфа Кондратьевна невозмутимо захлопала в ладоши:

– Поскольку рубашка у тебя, дурака, была единственная, будешь теперь ходить без нее, сибирский голодранец!

Я решила не вмешиваться, а Макка прижала к себе младенца со словами:

– Помилуй нас, Аллах!

Любомир и Ульяна смотрели то на отца, то на мать, а затем побежали в уборную, заперлись там и завыли, как волчата. Учитывая, что шел первый час ночи, соседи застучали шваброй по батарее. Но вой не прекратился, а даже усилился.

– У-у-у! – дружно выли дети.

Мы все по очереди пытались открыть дверь в уборную, но она не поддавалась, и тогда Лев Арнольдович поднапрягся и сорвал ее с петель. За дверью оказалась гора плюшевых зверей. Дети по очереди окунали игрушки в унитаз и выли.

– Зачем вы это делаете?! – закричал отец в бешенстве.

– Белочки, собачки и крокодильчик лечатся от шизофрении. Унитаз – целебный источник! Нас дедушка Потап научил! – объяснила Ульяна.

А Любомир добавил:

– Иначе несчастные звери окончательно сойдут с ума в нашей квартире!

Лев Арнольдovich и Марфа Кондратьевна не сговариваясь потащили детей за уши в разные комнаты. Я обрадовалась, что можно передохнуть, но на мобильный телефон начала названивать мама.

– Ты представляешь, Полина, – кричала она в трубку, – наш двухэтажный барак сегодня не спит. За окнами треск, шуршание. Мы с бабкой Алисой выскочили, как викинги, с топорами, а в кустах совершенно голые парень и девушка. Обоим по восемнадцать лет. «Не убивайте нас, тетеньки!» – говорят. Оказалось, молодожены. Они два дня назад в соседнем бараке поселились. К ним среди ночи ворвались местные бандиты, парня избили и приказали убираться, а девушке велели остаться с ними. Парень подбежал к жене и выбросил ее в окно со второго этажа, потом выпрыгнул сам. Около нашего дома они спрятались в кустах. Пришлось забрать их к себе. Бандиты не стесняясь их вещи выносят и грузят в свою машину! Участкового Водочкина вызвали, а он не едет, проклятый! Мы с бабкой Алисой решили взять топоры и сами пойти к бандитам!

Я сидела на холодных ступенях подъезда и встречала рассвет, думая над тем, что миллионы людей в России живут без удобств, без защиты, без помощи. Сытым и проворным дельцам, примазавшимся к власти и кормушкам, нас не понять. Не понять ту Россию, что за чертой бедности. Не понять, что люди в глубинке живут именно так, и никакой власти нет до них дела.

В пять утра мама позвонила опять.

- Бандиты нас увидели и уехали. Бросили музыкальный центр на ступеньках и коробку с вещами.
- А где участковый Водочкин? – спросила я, зевая.
- Он еще не приехал, – сказала мама.

Антилопа и Бизон отпустили меня на сессию в университет за свой счет, но я была довольна и благодарна, что работа за мной сохранится.

Придя от них, я обнаружила, что дома все переругались. Лев Арнольдович с младшими решил прогуляться и, погнавшись за Христофором, случайно подставил ему подножку. Христофор прокатился по асфальту и ободрал щеки. После этого сынишка стал проклинать всю семью, а Лев Арнольдович прибежал домой, взял свой паспорт и сказал, что больше здесь жить не будет, после чего исчез в Битцевском парке.

– Папа раньше тебя добежит до Израйля! – Я пихнула Глафиру локтем в бок.

Глафира пересказывала мне новости и уплетала принесенные бутерброды.

– А я вот что думаю! Ну его, Израиль! У меня новая мечта – уплыть в Турцию! Я возьму надувной матрас, привяжу к нему кастрюлю с котлетами и переплыву Черное море! – серьезно говорила она.

– Только это должна быть очень большая кастрюля, – пошутила я. – Плыть ведь придется долго!

Глафира грустно вздохнула, а гости из Чечни прыснули от смеха. Старшие мужчины, починив дверь уборной, отдыхали в гостиной.

Пойдя по коридору на подозрительно громкое мяуканье, я увидела, что Христофор и Ульяна самодельной щеткой с пятью гвоздями чешут кошек. Кошки истошно орали и пытались вырваться.

– Что это вы задумали?! Немедленно отпустите животных! – вскричала я.

Мату Хари и Чубайса дети нехотя выпустили.

– Что за живодерство?! – Возмущению моему не было предела.

– Мы не со зла, – сказала Ульяна. – Мы хотели собрать шерсть!

– Да, – подтвердил Христофор. – Мы свяжем маме носки. У нее ведь на каждой пятке – дыра! И у папы! Им нужны целые носки!

– Мы котиков ножницами подстрижем! – решила Ульяна. – Тогда шерсти хватит на две пары носков!

– Не хватит вам шерсти! Да это и невозможно! Кошачья шерсть тонкая! – пыталась я образумить детей.

– Если не хватит шерсти на носки папе и маме, мы свяжем носки малышу Исламу! – поделился идеей Любомир, таща за хвост Мяо Цзэдуна.

Отобрав щетку, я затолкала обезумевших от страха котов в гостиную, где сидели чеченцы. Заодно рассказала гостям, какой «подарок» ожидает малыша Ислама. Чеченцы пообещали котов в обиду не давать и категорически отказались от «подарка». Это немного привело в чувство детей Тюки, и они перестали маниакально ловить по дому одуревших от ужаса котов.

– Если хозяйева дома из кошачьей шерсти начали вязать носки, нам самим тут недолго осталось, – пошутили чеченцы.

– Скорее, о Аллах, дали бы нам визу! Мы часы считаем, чтобы уйти отсюда! – заохали Сацита и Макка. – Аллах, помоги!

Они искренне завидовали мне: я уезжала в университет на три недели.

В Ставрополь из Москвы ходили двухэтажные автобусы. Я купила себе лежачее место на втором этаже в самом конце салона, так как ехать нужно было сутки. Сто-

или эти места намного дороже сидячих. Рядом со мной на другом таком же месте устроилась пожилая женщина и две ее малолетние внучки. У пожилой женщины болели ноги, она не могла спускаться с внучками в уборную на первый этаж и просила меня. Нам приходилось обращаться к водителю, просить ключ, а потом возвращать его обратно – уборная все время была заперта.

В дороге я читала «Нефритовые четки» Бориса Акунина, сочиняла стихи и любовалась небом, синим и чистым, без единого облачка.

– Расскажи сказку! – просили меня девочки.

– Я расскажу вам про одну удивительную семью, – начала я.

Девочки, их бабушка и ближайшие к нам пассажиры хохотали навзрыд, слушая о происшествиях в доме Тюки.

А ночью со мной приключилась забавная история. Я проснулась и поняла, что все кругом спят. Большинство пассажиров мучилось на сидячих местах, поэтому кто-то лег на пол, другие свернулись на сиденьях в позе эмбриона. На первом этаже спящие вытянули ноги и поставили их на кресла через проход, и получалось, что дорога за ключом перекрыта.

Вначале я решила, что проползу под ногами, и поползла по-пластунски, но оказалось, что я уже не та хрупкая чародейка, какой была на Чеченской войне, а вполне себе упитанная молодая особа, уважающая тортики. Преодолеть полосу препятствий ползком не получилось. Тогда я встала и начала перешагивать «мостики». Когда до кабины водителя осталось всего три «мостика», автобус неожиданно тряхнуло, я не удержала равновесия и со всего размаха грохнулась на пол, а за мной повалились и сонные пассажиры.

– Ой! Ой! – испуганно закричали какие-то женщины. – Наш автобус столкнулся с рефрижератором!

– Не бойтесь! – успокоила я их, лежа на полу. – В туалет очень хочется, вот я и лезу за ключом!

Пассажиры оживились:

– И мы хотим в туалет!

Наконец-то я добралась до кабины водителя. Посматривая вождеденно на уборную в дальнем конце салона, я сказала:

– Дайте мне, пожалуйста, ключ!

– На ночь мы туалет не стали запирать! – ответил водитель.

– Вашу мать! – невольно вырвалось у меня, поскольку пассажиры, услышав его слова, бросились со всех ног к уборной, и теперь я понимала, что очередь впереди растянулась на полчаса.

По приезде в Ставрополь я остановилась у женщины, сдававшей комнату для студентов на Пятачке. Ставропольский Пятачок – это место в районе Нижнего рынка. Там маклеры и зазывалы сдавали и продавали жилье. Дочери этой женщины работали в Москве, но с матерью не общались и не помогали. Она узнала, что они стали проститутками, хотя вначале, после вуза, пробовали работать учителями. Но это оказалось неприбыльно. Поныкавшись несколько месяцев, они уволились из школы и ушли в притон.

Моим рассказам, что я няня, женщина долго не верила, хотя я показала ей фотографии детей, а затем она расплакалась:

– Разреши мне позвонить с твоего номера. Может, хоть тогда дочки ответят! Подумают, что очередной клиент. Со ставропольских номеров они трубку не берут!

В моем мобильнике долго шли гудки, а затем игриво ответила старшая дочь, ошибочно думая, что это по работе. Услышав в трубке родную мать, она обругала ее от-

борнейшим матом и посоветовала больше никогда ей не звонить и не мешать жить.

– Дочки живут в Подмоскowie, обслуживают богатых мужиков, – громко причитала несчастная женщина. – Почему ты у своей матери такая хорошая, а они у меня пошли под откос? Что я сделала не так? В чем моя вина?

Я не знала, как ее утешить. Меня в детстве нещадно колотили и рассказывали строгие чеченские притчи. В этом ли секрет? Или он в душе, которая боится греха?

Выйдя подышать воздухом, наполненным ароматом летних цветов, я купила в супермаркете крупный черный виноград и пирожные, чтобы угостить хозяйку.

Никаких подозрений она у меня не вызывала, однако по старой грозненской привычке я легла спать, положив кинжал, который Христофор называл пиратским ножом, под подушку. Защелки на двери не было, и, налив в бутылку из-под кока-колы воды, я оставила ее у входа в комнату. Каково же было мое изумление, когда в четыре утра бутылка с шумом упала на пол, а растерянная женщина никак не могла объяснить, зачем она пытается прокрасться ко мне спящей. Увидев меня с ножом в руке, она невольно сделала шаг назад и затем шмыгнула к себе. С тех пор и до окончания сессии она не делала никаких попыток меня побеспокоить.

Сессию я сдавала под смех преподавателей: им не верилось, что кто-то до сих пор учится своим умом. Студенты без стеснения платили за экзамены и зачеты – на все были установлены негласные тарифы.

Между парами я навестила маму, купила ей новые вещи, лекарства и накормила в самом лучшем ресторане Ставрополя.

– Молодые соседи, которых ограбили, испугались жить в Бутылине, ушли скитаться в город, – поделилась она со мной.

Мне пора было возвращаться в Москву.

Дети Тюки встречали меня на Павелецком вокзале, обнимали и плакали. Оказалось, что втайне от матери они заказали у мастера на рынке дубликат ключей, чтобы Марфа Кондратьевна не смогла меня прогнать.

– Это твои ключи, Полина! Спрячь их! – сказала Ульяна.

– Наши гости-чеченцы отправились в Германию. Визу им не дали! Они пошли с проводниками по лесам и горам! А мы совсем остались без еды! – наперебой жаловались Глафира и Христофор.

– купишь молочка? – оживился Любомир.

– Конечно, идем в магазин! – увлекла я за собой всю компанию.

У Антилопы и Бизона продолжался летний отпуск, они улетели на Средиземноморье. Поэтому вечером того же дня я согласилась поехать с детьми в деревеньку Мшанку под городом Владимиром.

Глафира, Христофор, Любомир и Ульяна нагружали рюкзаки запасным бельем и полотенцами, а Лев Арнольдович злился, что Тюка выгоняет нас из Москвы.

– Распоясалась барыня! – недовольно рычал он. – Со свету холопов сживает! Салтычиха!

– Поговори мне, трухлявый пень, – неслоь из кабинета правозащитницы. – Совсем забыл, по чьей милости в московской квартире живешь, а не на теплотрассе, где тебе самое место!

– А ты, поганка из Грозного, – через дверь обратилась ко мне Марфа Кондратьевна, – неправильно моего Христофора воспитываешь! Он теперь все время твердит, что нужно много работать, чтобы обеспечивать семью! Где это видано? Что значит – работать?!

– До этого, – посмеиваясь, ответила я, – Христофор намеревался стащить у соседей телевизор и велосипед.

Тюка выглянула из кабинета, грозно смерила меня взглядом, а потом хлопнула дверью и замолчала.

Мы вышли из дома при свете звезд. Лев Арнольдович периодически пинал ногами Аксинью, потому что она упиралась и не хотела идти.

Глафира сказала отцу:

– Я взяла с собой редиску. Папа, редиска помогает от нервов.

– Сейчас же заткни редиской свой рот, а то получишь по ушам! – возмущенно огрызнулся Лев Арнольдович, тряся отросшей пышной бородой.

– Опять злые нападки, папа? Я все в дневник запишу! – заступилась я за Глафиру.

– Дневнички-то у тебя украдут! – Лев Арнольдович показал мне язык.

В поезд мы сели на Ярославском вокзале. Кондиционеров в вагоне не было. Из-за духоты и неудобных сидений мы с Глафирой мучились и не спали до утра, а младшие свернулись калачиками и дремали.

– Скоро наша деревенька! – объявил Христофор утром. – В нашей деревеньке все петухи делают ко-ко-ко!

Во Владимире, недалеко от автовокзала, стоял памятник Ленину, напоминая о вере в светлое будущее, которое не придет. Памятник, в отличие от зданий вокруг, был ухожен, обложен белыми камешками и окаймлен цветочками.

В автобусе, увозившем нас из Владимира в Мшанку, большую часть салона заняли уголовники и ночные бабочки, отпущенные из отделения милиции. От них разило спиртным, которое они успели купить в круглосуточном ларьке. Местные жители громко матерились и показывали друг другу неприличные жесты – как признак особой крутости. В какой-то момент они начали кричать на нас, якобы мы им мешаем, требовали, чтобы дети не ерзали на сиденьях. Я решила поставить хулиганов на место, но Лев Арнольдович приказал мне молчать. Ему при по-

добных обстоятельствах дважды в этих местах сломали челюсть. Он знал, что сельские алкаши агрессивны и тупы, и предпочитал отмалчиваться, чему учил меня и детей.

Я с интересом разглядывала лица вокруг. Боже мой! Это было поистине страшно: спившиеся люди России.

Около девяти утра мы прибыли в Мшанку. Деревенька в тридцать дворов простояла под Владимиром двести лет. В ней не было отопления и канализации, а электричество провели себе только самые зажиточные домовладельцы. Воду люди таскали из колодца, печь топили, как в старину, дровами и кизяками, а об асфальте даже не мечтали – ходили по жиже. На всю Мшанку имелась одна машина, настоящая рухлядь времен Второй мировой – у самого состоятельного пенсионера. Питались жители Мшанки чем Бог пошлет, в основном – ягодами и грибами из леса да еще тем, что настреляют на охоте или что на огороде вырастет.

Я вспомнила Бутылино и поняла, что рядом с Мшанкой Бутылино – прогрессивный поселок.

В деревенском доме Тюки не делали уборку много лет. Ощущение от него было такое, словно мы набрели на окутанное паутиной жилище маньяка в глухой чаще. Здесь не было ни радио, ни телевизора, ни телефона. Грязная алюминиевая посуда валялась на прогнившем деревянном полу. Стола и плиты не было. Пахло сыростью и нечистотами. Сквозь прохудившийся потолок всю весну дом заливал дождь. Крысы и мыши бесстрашно сновали под ногами.

– Ура! Природа! – закричали дети, взбивая вокруг себя клубы пыли.

Я с ужасом озиралась, а дети Тюки, как выяснилось, росли в этом доме.

– Все устали, надо отдохнуть, – сказала Глафира и добавила: – Проверяйте одеяла, в них может змея заползти. Так уже бывало!

– Руку совать под подушку нельзя, в кроватях дырки, поэтому мышки лезут и за пальцы пребольно кусаются, – сообщили Христофор и Ульяна.

– Я сейчас вытряхнул мышку из подушки! – поведал Любомир.

– Сунул руку под кровать – и полпальца не видать, – мгновенно сочинила я.

В комнатах стояли топчаны, промокшие, с запахом гнили, и были еще две железные кроватные сетки без ножек.

– Могла же Тюка дать ключи от нормальных домов... есть же еще три дома, и они гораздо ближе к Москве! – возмущался Лев Арнольдович. – Отправила нас барыня в ветхую сторожку! Единственная радость – деревня, сакральное русское торжество!

Дети, принюхиваясь, где воняет меньше, выбирали себе место для сна. Я, положив под голову халат, подаренный Викторией, легла на один из свободных топчанов.

За домом когда-то был сад. Теперь там вымахал репейник в человеческий рост, и доносилось отчетливое шипение змей. Я невольно вздрогнула, представив себе, как придется идти в туалет, а дети были рады тому, что приехали.

Проснувшись после полудня, я услышала вопли – все были голодны. Дети и Лев Арнольдович хлопали глазами и смотрели по сторонам. Порывшись в кладовке, я нашла пластмассовые ведра и заодно выяснила, что, помимо колодца, где вода с горечью и тиной, на окраине деревни есть качалка.

– В качалке вода с ржавчиной, но пить ее можно, если процедить через полотенце, – объяснила Глафира.

Этой водой я залила алюминиевые миски и ложки, которые забыли помыть несколько лет назад. Лев Арнольдович, порывшись по карманам, купил у местных жи-

телей ягод и сыра. Съели мы все это довольно быстро, прямо с газеты, расстеленной на полу.

– Теперь пойдём купаться! – возликовали дети.

От дома до Клязьмы было около двух километров, пришлось идти вдоль леса. Раньше по реке мимо Мшанки ходили паромы. Теперь, кроме утопленников, здесь никто не плавал. Дамбы и плотины в этой части реки были давно заброшены и никому, кроме бобров, неинтересны.

– Река на сотни километров бежит, она широкая, местами – быстрая, по разным селам и городкам ее воды несутся. Люди иногда в ней спьяну тонут, а иногда сводят счеты с жизнью, – как бы невзначай рассказал Лев Арнольдович.

– Прошлым летом здесь мать с ребенком утонула, – Глафира вздохнула. – Говорят, что от нищеты. Есть было нечего, на пенсию бабки прожить не могли, в деревне не было работы. Женщина перекрестилась и бултыхнулась с сыночком в воду прямо с моста.

– Не будем об этом вспоминать! – остановил дочку Лев Арнольдович.

Аксинью на речку не взяли. Лев Арнольдович запер ее в доме и надеялся, что она не испортит вещи.

– Однажды, когда мы вернулись, все стекла были разбиты, а под окном лежала гора расколотых банок, раздолбанных вещей и разорванных книг, – вспомнила Глафира.

– Аксинья разбила всю стеклянную посуду, какую нашла, и все зеркала, – добавил Христофор.

– Затем наш папа пытался утопить Аксинью в бочке с дождевой водой! – Глафира засмеялась.

– Он окунал и держал ее без воздуха несколько минут! Ну и смех! – подтвердили Любомир и Ульяна.

– А вы что делали в это время? – Я поняла, что здесь нужна лекция о правильном поведении.

– Мы собирали в мешки битую посуду. Папа Аксинью потом отпустил. Это просто было наказание такое... – объяснила Глафира.

– Преступно так поступать с больными. И со здоровыми людьми так поступать грешно, – строго сказала я.

Дети полезли в зеленые воды реки, а я села у плакучей ивы на берегу. Меня никто не учил плавать. Я жила при шариате: ни плавать, ни кататься на велосипеде, ни юбки выше щиколотки – девочкам нельзя. Десять лет на войне я топила снег, чтобы пить, а купались мы с матерью в жестяном тазу.

Христофор, Ульяна и Любомир ловко плавали по-собачьи и повизгивали от удовольствия. Глафира – отличный пловец – удалилась на середину реки и лежала там на спине.

– Здесь совсем мелко! Не бойся, Полина! Иди к нам! – уговаривали меня дети.

Все знали, что плавать я не умею.

– Полина, заходи в воду! – настаивал Лев Арнольдovich. – Река неглубокая!

Он поплавал, а затем поднялся на пригорок, насобирав сухих веток и стал разводить костер. Христофор вылез из воды и помогал отцу. Ульяна и Любомир, наплевавшись вдоволь, полезли греться на камни, а Глафира переплыла реку, вскарабкалась на другой берег и сидела там в одиночестве.

Очарованная медленным течением и летним зноем, я вошла в воду по пояс. На дне реки – глина, песчинки и рыбки. Действительно, мелко. Я зашла по грудь и успокоилась. Чего я боюсь? Можно, наверное, поплавать. Сделала еще шаг. Под ногами оказался обрыв...

Как потом объяснили деревенские, в этом месте обрыв составлял около пяти метров в глубину. Я сразу ушла под воду. Я изо всех сил пыталась всплыть, но меня уно-

сило подводным течением, а ноги оплетало водорослями. Пришла мысль: вот и всё, они догадятся слишком поздно, что я тону. Пару раз мне удалось вынырнуть, и я изо всех сил закричала:

– Помогите! – после чего опять ушла под воду, судорожно дергая руками и ногами.

Я успела заметить, что младшие дети бегают вокруг костра, как всегда в полной безалаберности, а Лев Арнольдович увидел мое невеселое положение, однако не догадался прийти на помощь. Он равнодушно смотрел на то, как я умираю, не предпринимая никаких попыток меня спасти.

Через несколько минут отчаянного барахтанья я захлебнулась, грудь словно обожгло огнем, и я увидела перед глазами золотые вспышки. Голова загудела, и я потеряла сознание.

Что было дальше, мне рассказали уже потом.

Глафира с противоположного берега заметила, что я ушла под воду, а отец ничего не предпринимает, чтобы меня спасти. Она нырнула, рыбкой проплыла под водой и, подхватив, вытащила меня из водорослей. Пока она меня вытаскивала, я сильно ее поцарапала, находясь в состоянии шока.

– Я чуть не умерла! – сказала я, обретя дар речи. У меня подскочило давление, и, задыхаясь, я отрыгивала на берегу грязную воду.

– Ну да, – хмыкнул Лев Арнольдович. – Ты же плавать умеешь, а в воду полезла...

Все выглядели на удивление спокойными, только Глафира, перевязывая себе поцарапанную руку, пошутила:

– Не зря говорят, что тонущих вначале нужно оглушить, а только потом спасать...

Христофор, Ульяна и Любомир вовсе не поняли, что произошло.

Меня всю трясло. Если бы не Глафира, я бы утонула.

Вечером дети растопили старый камин, заменяющий одновременно электричество и плиту, и я придумала игру света: Христофор в языках пламени видел бронзовых драконов с мощными гребнями и пытался их приручить; Любомир разглядел корабли викингов и пиратские шхуны; Ульяна с восхищением описывала мир, в котором жили эльфы, а Глафира пугалась то рогатых чертей, то святых с сияющим нимбом. Черти были страшными, а святые могли, по мнению Глафиры, покарать ее за побег... Лев Арнольдович в огне высмотрел рыжего таракана в граненом стакане и вспомнил стихи Николая Олейникова:

– Таракан к стеклу прижался
И глядит едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Я научилась игре света в Чеченскую войну, когда под бомбами мне являлся в костре огненный властелин и танцующие саламандры. Сейчас я видела фантастической красоты город, расположенный высоко на скалах, и точно знала, что однажды на самом деле окажусь в нем.

Наутро Лев Арнольдович добыл в деревенском ларьке молока, и мы поели его с хлопьями. Закусили редиской.

– Сегодня пойдем на дальний пляж. И Аксинью возьмем с собой, – сказал отец семейства.

– Это далеко? – спросила я.

– Идти в одну сторону два с половиной часа, – ответил он.

Дети взяли с собой полотенца, надели купальные костюмы и панамки. Лев Арнольдович в дровяном сарае

отыскал надувной круг, пригодный разве что для пятилетнего ребенка, и торжественно вручил находку мне. Круг был пробитый, с дырой, но Лев Арнольдович задумчиво сказал, что это ничего, воздуха хватит, чтобы удержаться на плаву.

Когда мы добрались до места, стоял знойный полдень. На крутом берегу с выжженной травой расположилась компания мужчин и женщин в белых халатах. Судя по всему – медики. Врачи выпивали, и на костре, огороженном камнями, жарили сосиски. Несмотря на жгучее солнце, в воду не лезли.

– В водичке зябко, – добродушно сообщили они.

Неподалеку стоял их доисторический уазик.

Мы решили, что на пустынном пляже лучше держаться рядом с людьми, поэтому расстелили пледы поблизости. Аксинья с разбегу бултыхнулась в воду. Надувной круг не выдержал даже Любомира: он влез в него, полагаясь на то, что удержится на плаву, и наглотался воды. Я предусмотрительно осталась на берегу.

Лев Арнольдович и Христофор, подумав, тоже решили разжечь костер.

– Трава вокруг сухая, место для костра даже у пьяной компании очищено и огорожено камнями. Нам разжигать огонь не стоит, – попыталась вразумить я Льва Арнольдовича.

Но он меня не послушал, протянул Христофору зажигалку:

– Давай, сынок!

Христофор и Любомир натаскали хвороста и подожгли его.

Льву Арнольдовичу, наблюдавшему за действиями сыновей, показалось, что поблизости нет дров для костра, и он решил сплывать с Христофором на противоположный берег за сухими ветками.

– Вижу там много сучьев! – Лев Арнольдович выглядел довольным.

Как только они уплыли, раздались крики о помощи. Не без труда взобравшись на крутой пригорок, мы увидели, что трава занялась огнем, а подвыпившие медики разбегаются. На одной из женщин загорелся халат, она сбросила его и побежала дальше в лифчике и трусах. Заскочив в уазик, отдыхающие умчались прочь.

Глафира со словами: «Я сейчас все потушу!» – схватила мои резиновые тапочки и бросила в огонь. Затем сняла с себя верхнюю часть купальника и стала хлопать по горящей траве.

Аксинья дергала себя за волосы и мычала.

Посмотрев с обрыва вниз, на реку, я увидела Льва Арнольдовича и Христофора. Загребая одной рукой, они плыли с противоположного берега Клязьмы, держа в вытянутой руке по вязанке сухих веток.

– Мы еще дровишек принесли! – крикнул Лев Арнольдович.

Возвращались мы в деревню вдоль берега – по насыпи и камням.

– Все сгорело! – возмущались Любомир и Ульяна. – Ни тапочек, ни полотенце у нас теперь нет!

– Папа, это ты захотел разжечь костер, – упрекнул Христофор Льва Арнольдовича.

– И что? – парировал тот. – Разве нам было не весело?!

Учитывая, что все наши вещи сгорели, назад мы возвращались в весьма пикантном виде. На Льве Арнольдовиче была наполовину сгоревшая, с громадной дырой на спине, футболка, которую я успела спасти. Я прикрывала лопухами голые ноги и гордо шагала в купальнике, Аксинья тоже в купальнике. Младшие дети бежали в трусах. Глафира прикрывала голую грудь моими обгоревшими тапочками.

Все рассуждали о невероятном происшествии.

– Нам отлично подавали бы милостыню, появишься мы в таком виде в московском метро, – сказала я.

– Ты эту мысль в дневник запиши! – попросила Глафира.

По дороге мы поели лесных ягод, и это заменило нам обед, а дома просто легли спать.

Происходящее два дня подряд казалось мне странным, и я заподозрила, что местные духи уличили во мне чужака и поэтому ничего случайного здесь нет, а нужно убираться отсюда, пока не поздно.

Лев Арнольдович, напротив, считал, что русская деревня – место святое, сакральное и все в ней идеально.

Вечером, выспавшись, мы пошли на заброшенную дамбу.

– Осторожно, Полина, – предупредили дети. – Здесь полно гадюк. Они кусаются!

– Бросьте чепуху молоть! – сердился на них Лев Арнольдович, усевшись на выжженную солнцем желтую траву. Мимо него проползла толстая черная змея, а за ней – две поменьше, видимо, ее потомство.

Чудовищная зловещая аура была повсюду, но мои спутники этого не замечали. Будто их чувства притупились, а мои из-за войны, наоборот, стали острее, появилось ясновидение.

– Чудесные места! – продолжал Лев Арнольдович, при этом я по голосу слышала, что он не лукавит, не ерничает, а совершенно искренне верит в то, что говорит.

В зарослях поблизости валялись черепа овец и коров. В сухой траве скалился лошадиный череп. Чуть поодаль лежали большие кости, видимо, раньше здесь забивали животных.

Все мы испытывали непонятную жуткую усталость, словно черные силы с наслаждением черпали нашу энергию...

Назад мы возвращались в раздумьях: я – как бы побыстрей унести отсюда ноги и никогда не возвращаться, а дети – с надеждой, что я останусь.

Войдя в покосившуюся калитку, заросшую сорняками, мы заметили, что соседи – пожилые супруги, о которых Лев Арнольдович упорно твердил, что они «интеллигентные люди», – напились самогона и затеяли драку. Их красные физиономии озаряла неистовая злоба. Они катались по огороду, как собаки в момент весенней влюбленности.

– Может, их нужно разнять? – спросила я.

– Дед и бабка выпили, им хорошо, – объяснили мне дети.

– Полина, ты удивляешься таким обычным вещам, – нравоучительно обронил Лев Арнольдович.

– Но для меня это не «обычные вещи»! Я не пью спиртного никогда! И там, где я родилась, это невозможно себе даже представить!

– Зато это обычные вещи для русской деревни! – отрезал Лев Арнольдович.

Мы посидели перед домом на одеялах, которые я разложила на траве для просушки. Одеяла за зиму отсырели и сильно пахли, а солнце за день их высушило.

– Ой, у тебя, Полина, все ноги в шрамах! – вдруг сказал Любомир.

– Точно, в шрамах. – Ульяна начала считать: – Раз, два, три, четыре...

– Я же говорила вам, что меня ранило ракетой на рынке, – напомнила я.

– А мама в «Мемориале» говорит, что ты не была ранена. Она вообще про тебя там такое придумывает! Но теперь мы знаем правду! Мы сами шрамы сосчитали, – заявили дети: – Их шестнадцать!

Лев Арнольдович вытаращил глаза:

– В «Мемориале»?! Марфа Кондратьевна?! Полина, как приедем, сунь ей под нос справку о ранениях.

– Она ее видела, – ответила я.

– Зачем же она так себя ведет?! – изумился он.

Этот вопрос остался без ответа. Тюка для всех была загадкой.

Перед сном Глафира решила прочитать нам вслух книгу «Святые чудеса», которую ей настоятельно рекомендовала мать.

– «В разложении человека великая помощь нам от марксизма и ленинизма», – говорят черти в аду, – с набожным видом прочитала Глафира, поднеся книгу поближе к огню, чтобы разобрать текст.

– Да у них там конференция, как у Тюки с приятелями! – расхохотался Лев Арнольдович.

Мы засмеялись, а Глафира обиделась.

– Здесь свидетельство праведника, которому показали ад! Он видел чертей, трепетных учеников Маркса и Ленина, – сказала она и перевернула страницу, зачитывая нам следующий заголовок: – «Лев Толстой – нечистая сила».

– О, а вот здесь хотелось бы узнать поподробней! – попросила я.

– По словам сельского батюшки, пришла к нему однажды неграмотная баба, – прочитала Глафира. – Неграмотная баба не знала ни одной буквы, поэтому ее свидетельству можно верить! Пришла она на исповедь вся в слезах. Батюшка спросил: «Что случилось, дочь моя?» Баба горько вздохнула: «Всю ночь меня смущал бородатый страшный дух. На блуд сманивал!» Батюшка покачал головой: «Как же это? Скажи, как было?!» Баба отвечала: «Он снисьничать меня хотел, коварный мужик. Я спросила его, ты кто такой? Он ответил ясно: “Я – Лев Толстой!”».

Мы покатались со смеху, в буквальном смысле задрывав ногами над прогнувшимся деревянным полом. Серое братство хвостатых грызунов, трусливо пища, разбежалось, а Глафира на нас так обиделась, что решила больше не разговаривать.

Я взяла очерки Льва Гумилева о путешествиях и тоже читала при свете камина, а потом уснула на сыром, дурно пахнущем топчане. Перед тем как я задремала, мне показалось, что по стенам промелькнули тени.

В полночь раздался вой. Лев Арнольдович босиком побежал на улицу и за шкурку притащил упирающуюся Аксинью. Она стояла на соседском огороде на четвереньках и, задрвав голову, выла на луну. Полнолуние в самом конце июля было настолько ярким, что больная не могла спать. Младшие проснулись и слонялись по дому, периодически швыряя в несчастную предметы обихода и обзывая ее.

Сквозь жалкое подобие шторок, которыми стали салфетки и полотенца, проникал свет луны. Я накрыла голову подушкой и закрыла глаза. И провалилась в сон. Я оказалась внутри небоскреба, где стояла и смотрела на часы. Стрелки показывали два часа ночи. Грузоподъемные стальные лифты забирали людей. Около лифтов столпилась очередь.

– Распределение! – сказал мне какой-то парень. – Вас в какой лифт отправили?

– А я тут, в коридоре постою, – ответила я.

– Не получится, ищите свой лифт, – посоветовал парень. – Вам должны были выдать номер на входе.

– Не выдали, – ответила я.

– Здесь все, кто умер недавно, каждый ищет свой лифт, – бросил он.

Я прошла немного вперед и увидела пустой маленький лифт, украшенный резными зеркалами, – их пове-

сили, чтобы появлялась иллюзия, будто время поездки ускоряется. Здесь очереди не было. Я спустилась на первый этаж и вышла на улицу. Там горели фонари, светила полная луна. Прямо у небоскреба находился каток, где молодежь каталась на роликах. Девушки и парни шутили и смеялись. Присмотревшись, я поняла, что это не люди; эти были выше ростом и невероятно пластичны. Юные вампиры (а это были они) подпрыгивали в воздухе, делали такие виражи и сальто, что захватывало дух. Когда я поравнялась с площадкой, они стали кататься вокруг меня и таким образом повысили мой градус волнения. Их не мучила жажда, как это случается со стариками, они желали общения. Я остановилась и жестом показала им «класс!». Наверное, моя реакция была искренней, и они, покружившись, отстали.

Площадка осталась позади, а я вошла в частный дом. В нем жил мужчина с прекрасными тонкими чертами лица. Судя по камзолу, это был знатный человек. При нем находились две женщины в красных бархатных платьях, отороченных черным кружевом. Первое, на что я обратила внимание, – длинные толстые ногти мужчины были крепко перевязаны бинтами. Он любил рвать свою жертву на части, чтобы пить утробную кровь, поэтому и ногти берег.

Просторную гостиную в его доме украшала мебель эпохи Средневековья. В ней использовался геометрический и растительный орнамент, а накладками служили грифоны, львиные головы и летучие мыши. Хозяин восседал на сундуке с инкрустированными подлокотниками. Ящик под сиденьем украшала резьба из кленовых листьев, высокую спинку – арабески. В тяжелых подсвечниках горели свечи, освещая Глафиру и Христофора, напуганных, не понимающих, как они здесь оказались.

– Христофор! Глафира! Бегите! – крикнула я.

– Они останутся с нами! – Одна из женщин преградила путь мне и детям. Я остановилась и перекрестила ее. Она насмешливо фыркнула. Но прекрасный облик тут же рассыпался, остался только оскал мертвеца и пустые глазницы.

Я начала читать вслух суру из Корана.

– Зря стараешься, – хмыкнув, сказала она. – Молиться надо каждый день, а не время от времени! Иначе молитвы твои не действуют, не закрывают от нас... – и она потянулась ко мне уродливыми костлявыми руками.

Невероятным усилием воли я открыла глаза.

Свет луны померк, уступив заре. Аксинья продолжала выть.

Поняв, что из деревеньки надо бежать, и побыстрее, я покидала в сумку уцелевшие после пожара вещи и побрела на автобус. До ближайшей остановки было шесть километров.

Дети хотели уехать со мной, но Лев Арнольдович их не отпустил.

В Москве я едва не попала в переделку: на улице рядом с домом Тюки взорвалась заминированная машина. Я прошла мимо на пять минут раньше взрыва, и война не догнала меня.

Марфы Кондратьевны дома не было. Исчезли и кошки. Мусор и транспаранты заполняли все пространство квартиры. Предстояла работа на целый день.

Ночевать одной было неприятно, и я все время прислушивалась к скрипу, вздрагивала от шорохов, вспоминая ночной кошмар; пару раз мне показалось, будто кто-то позвал меня по имени, и я даже узнала голос убитого на войне соседа Султана. Прочитав молитву, я попросила помощи у Всевышнего и только после этого смогла заснуть.

В семь утра в прихожую ввалились Лев Арнольдович и дети.

– В деревню явилась ведьма! – на разные голоса кричали они.

– Кто?! – Я свесилась со шкафа.

– У Тюки есть подруга по прозвищу Клюква, она из дурдома, – объяснил Лев Арнольдович. – Это пожилая женщина. Тюка души в ней не чаёт и предпочитает её общество при каждом удобном случае. Клюква вчера явилась в наш деревенский дом – сразу после твоего отъезда. Она сбросила мои вещи с кровати, растоптала их ногами и зарычала: «Я тут буду жить! Прочь отсюда!»

– А вы что сделали? – поинтересовалась я.

– Клюква пребольно щипала детей и меня. Мы её опасаемся. Поэтому мы похватали рюкзаки и сбежали, – ответил Лев Арнольдович.

– Полина, ты защитишь нас от ведьмы?! – с надеждой в голосе спрашивали дети.

Враг был далеко, и оценить его мощь я не могла.

– Постараюсь, – пообещала я.

Днем к нам пришел Вахтанг Давидович, и под коньячок они со Львом Арнольдовичем начали вспоминать молодость. И пока я готовила обед, узнала, что означает «пить с лома».

– Когда я был юным, – ностальгически бормотал Лев Арнольдович, опрокидывая рюмку за рюмкой, – я жил в поселке, а кругом тайга. В сорокаградусный мороз сибирские мальчишки и мужики покупали тройной одеколон. Ящиками! Стальной тяжеленный лом мы держали над тазом и бережно сливали по нему одеколон. Вредные частицы в минусовую температуру липнут к металлу, а нужные нам градусы остаются! Процедив, мы черпали из таза одеколон кружками! Какое было замечательное время!

Христофор и Любомир завистливо посматривали на отца.

Непризнанный поэт довольно кивал и вспоминал солнечную Грузию:

– Мы иногда пьем коньяк, но предпочитаем вино! Вино хорошо всегда и везде! Цинандали, сухое белое, на вкус изысканно и приятно! У каждой грузинской семьи свой рецепт изготовления! Из винограда сортов мцване и ркацители, который растет в Кахетии, мы делали его с отцом. Ах, душа поет, как вспомню я то вино! Три года зреет в дубовых бочках, а выпить можно на одной свадьбе. Подходит к мясу запеченного ягненка, а также к сыру!

– Однажды, – перехватил инициативу Лев Арнольдovich, – мне тогда было одиннадцать, я так упился одеколона! Пополз домой, и вдруг меня понесло к звездам. Я полетел! Реально! Я цеплялся за траву! Я восстал против космоса!

– А еще, – неожиданно встряла Глафира, – ты крепко принимал на грудь в деревне. Мама вместе со мной и Аксиньей убегала от тебя по улице, она плакала и кричала: «Алкаш, паразит, оставь нас в покое!»

После этих слов Лев Арнольдovich быстро и решительно перевел разговор на другую тему.

– Коты и кошка где? – спросила я Христофора.

Дети бросились искать домашних питомцев. Оказалось, что, уезжая на конференцию, Марфа Кондратьевна отнесла кошек Ларисе. Мата Хари преждевременно разрешилась мертвым котенком, и Лариса отдала его нам в полиэтиленовом пакете.

Котенка мы переложили в коробку из-под овсянки и всей ватагой отправились хоронить. Выкопали в Битцевском парке ямку под сосной. Перед тем как зарыть труп, Христофор встал в изголовье импровизированной

могилки и произнес христианскую молитву, а я, стоя напротив него, – мусульманскую. Ульяна, Любомир и сыновья Ларисы истово крестились. Глафира читала стих из Библии.

Затем мы скормили пакет корма бездомным котам, которые жили у мусорного ящика, за помин безгрешной души.

В августе в Москву вернулись Антилопа и Бизон.

После тринадцати часов, проведенных с Никитой, я сидела на автобусной остановке и думала о том, что все в моей жизни случилось напрасно. Тяжелый труд, копеечный заработок, которого едва хватало на еду и кредит. А я мечтала о Литературном институте, лучшем в России. Написала туда письмо о том, как жила на войне, потеряла здоровье, была ранена. «Разрешите мне посещать лекции бесплатно, дайте бюджетное место, – просила я, – мне негде жить, нет поддержки, но главное для меня – писать». Отправила свои военные рассказы. Пришел ответ на электронную почту: «Вы были ранены на войне? Хм, тоже мне, нашли аргументы, чтобы учиться бесплатно! Вам никто ничем не обязан!».

Только люди обеспеченные, с хорошей финансовой базой могли учиться в таких местах, совсем не такие, как я. Даже если бы мне разрешили посещать лекции бесплатно, где бы я жила и чем питалась?

Благодаря молодости я могла быть служанкой в чужом доме; удел беженцев немолодых, не имеющих родных и оставшихся бездомными, – заброшенные гаражи и свалки, милицейские дубинки и плевки зажиточных граждан, не желающих помнить о Чеченской войне.

Мимо проезжали автобусы, а я сидела на остановке и смотрела в пустоту. Мне не хотелось идти к Тюке, которая ненавидела меня за непокорность, использовала... Даже когда я не возражала ей, она замечала мою

саркастическую усмешку, отчего настроение у нее сразу портилось.

– Нет, ты не сдашься, ты сейчас же встанешь и пойдешь, – сказала я сама себе.

Первое, что я увидела, поднявшись на восьмой этаж, – распахнутую настежь дверь. Ее забыли закрыть. Мяо Цзэ-дун довольно тер лапой усы в общей прихожей. Кучки кошачьих презентов у соседской двери напомнили мне, что я дома.

В квартире была Марфа Кондратьевна, ее подруга Клюква и Любомир с Ульяной. Остальные домочадцы трусливо сбежали.

– Спаси нас, Полина! – прошептал Любомир из-под дивана.

Я отвела детей в ванную, набрала теплой воды и оставила купаться с игрушками.

Марфа Кондратьевна и Клюква сидели на кухне за столом, заваленным огрызками, фантиками и пустыми бутылками. Марфа Кондратьевна что-то нашептывала подруге в уши, и, едва я переступила порог, грузная пожилая женщина, не здороваясь, заорала:

– Ты, тварь, убирайся отсюда! Собирай вещи и проваливай! На улице твое место, чеченская оборванка!

– Вы здесь не хозяйка, – спокойно ответила я.

Клюква побагровела:

– Скотина! Я бы лучше нагрела руки на этой квартире, чем тебя сюда пускать! Нахлебница!

– Вы собираетесь пожить за чужой счет?! – удивилась я.

– Сволочь! Нахлебница! Тварь! Бесплатно живешь! – раззадоренная Тюкой, орала она.

– Я здесь не питаюсь. Я приношу сюда еду детям. Работаю с утра до глубокой ночи в другом месте, – чуть более холодным тоном объяснила я.

– Захочу и выгоню тебя за порог! – продолжала надрываться Клюква. – Я выгоняла отсюда жалкого уродца – и Лев жил на улице! Захочу – и тебя уничтожу!

– И не надейтесь! – с улыбкой ответила я.

Марфа Кондратьевна во время истошных криков своей подруги делала вид, что устанавливает контакт с параллельной вселенной.

– Я тебе покажу! – пообещала Клюква.

– Очень жду, показывайте, – все так же хладнокровно ответила я. – Я знаю, как вы здесь жили, когда выгнали Льва Арнольдовича. Вы жаловались соседям, что у Марфы Кондратьевны не дети, а чертенята. Дети были брошены и постоянно болели. Что скажете? Или это неправда?

Клюква задыхнулась от злости, а Тюка внимательно на нее посмотрела и выскочила из кухни.

– Да ты непоколебимая стерва! – Клюква побагровела, а затем неожиданно заплакала и бросилась вон из квартиры.

Я забрала из ванной детей, покормила и уложила спать, а Тюка вернулась на кухню.

– Ваша нервная подруга умчалась быстрее лани, – сказала я. – Теперь давайте поговорим серьезно, госпожа Тюкина. Вам для меня места на шкафу жалко? Или вы платите мне за труд? Или маму мою помогли привезти в Москву и создали нам условия для жизни, как обещали? Или правозащитная организация, с вашей помощью или без нее, оказала мне содействие? Может быть, вы еще заявите, что кормите меня, учитывая, что с семи утра до десяти вечера меня здесь нет?

– Давай сделаем вид, Полина, будто ничего не было, – промямлила Марфа Кондратьевна. Она взяла чашку, сгорбилась и ушла в кабинет.

Прогнать меня не получилось, а признавать поражение ей не хотелось.

Мне нравились Антилопа и Бизон: они всего добывались сами. И я знала, что даже если мне придется ночевать на улице, я не посмею им в этом признаться. Они были из тех людей, что подадут руку только тому, кто выплыл, кто смог занять положение. И никак иначе. Жестко, но справедливо.

– Вам, Полина, нужна другая работа, – говорила мне Антилопа. – Как можно жить на зарплату няни? Это в двадцать раз меньше, чем получаю я!

– Но это в два раза больше, чем зарплата учителя в школе, – возражала я. – Если у учителя нет своего жилья, он просто помрет от голода.

Антилопа знала несколько языков, закончила математический вуз и не очень вникала в мое положение.

– Да, бюджетникам трудно, – согласилась она. – Я работаю в бизнесе.

Я занималась с ее ребенком по системе Монтессори, мы изучали кубики Зайцева, рисовали и пели песенки. Гарри учил английский, поэтому на внутренней стороне двери уборной ежедневно происходила замена альбомного листа, на котором писались новые слова.

Из их огромного, забитого продуктами холодильника я храбро таскала йогурты, молоко, сыр и колбасу, поэтому дети Тюки были сыты. Может быть, Антилопа и Бизон догадывались о моих проделках, но молчали, будучи щедрыми.

Перед сном я рассказывала детям Тюки о разных религиях.

– Принц Гаутама понял, что богатство и слава есть миссура этого мира... – звучал в темноте мой голос.

Про себя я думала, что Всевышний отправил меня к этим детям, подарив то, чего у меня никогда не было, – братьев и сестер... и даже седого отца в виде Льва Арнольдовича.

Задремав, я услышала шорох и вскочила. «Наверное, вампиры или призраки крадутся», – подумалось мне.

– А-а-а! – заорала я. – Кто это?!

Оказалось, это Лев Арнольдович. Он опять бродил в потемках. То ли в приступе лунатизма, то ли искал, чем бы опохмелиться.

– Ты чего кричишь-то? – спросил он. Ему стало неловко.

– Я приняла вас за привидение!

– Рановато! – Лев Арнольдович развернулся и пошел в свою комнату.

За утренним кофе мы с ним говорили о Клюкве.

– Она лежала в психбольнице. Тюка там с ней познакомилась. Нас Клюква доводила истериками и щипала за бока.

– Они сговорились, чтобы меня выгнать! – сообщила я Льву Арнольдовичу.

– Мы с папой сбежали в лес, чтобы ее не видеть, – признались Глафира и Христофор.

– Оставили меня одну на поле боя! – пожурела я их.

Они потупились.

– О твоём уходе и речи быть не может! Что мы будем делать с детьми?! Марфа Кондратьевна должна кланяться тебе в ноги! – заявил Лев Арнольдович.

– Вы так думаете? – удивилась я.

– Уверен. – Лев Арнольдович поглаживал себя по старенькой водолазке, где раньше зияла дыра, которую я заштопала.

Несколько дней подряд Тюка хвасталась тем, что ее опубликовали в «Новой газете» и теперь она признанный эксперт по правам человека. А Лев Арнольдович собирался в Сибирь. Поэтому я не чувствовала себя в безопасности. Я начала подозревать, что, как только он уедет, Марфа Кондратьевна, объединившись с Клюквой, таки выгонит меня вон.

Но Тюка исчезла, и все дети остались на мне.

Между уборкой, которая никогда не заканчивалась, и готовкой я после работы краем уха ловила фразы из телевизионной передачи о белом шуме. Дети в полночь притихли у экрана. Ведущий рассказывал об ученых, которые изучают голоса мертвых, доносящиеся с того света.

На кухню пришла Глафира.

– Я слышу голоса, как и наш отец, – сказала она. – Не-что называет себя «колдовство». Колдовство похоже на летающую видеокамеру. Я – сумасшедшая!

– Ты посмотрела передачу и ставишь себе диагноз? – спросила я.

– Нет же! – недовольно ответила Глафира. – У нас в роду много сумасшедших. Прабабушка, например. Она прыгнула со скалы в море и разбилась.

– Где?!

– В Крыму!

– Наверное, это была несчастная любовь?

– Что-то в этом роде, но точно не знаю. Бабушка тоже покончила с собой. Мама с ней поругалась, и бабушка бросилась под трамвай. Не спасли!

– О боже! – вырвалось у меня.

– Теперь, Полина, ты мне веришь? Наш отец в молодости лежал в психбольнице. Мама лечилась.

– Послушай, мне тоже снится Межгалактический Капитан. Он рассказывает свои истории. Это – нормально!

– У меня все происходит наяву! Невидимая летающая камера наполнена голосами бесов, она приказывает делать странные вещи! Например, на днях я шла через парк и решила забраться на дерево, упавшее над оврагом. В середине пути раздался треск, я испугалась, попятилась, а Колдовство сказало: «Если упадешь, я убью тебя!» Мне было страшно, но я преодолела страх и пошла дальше.

– Послушай, Глафира, – ответила на это я. – У вас квартира с чертовщиной. Когда здесь никого не было, я услышала голос, который звал меня по имени, и узнала в нем интонации погибшего соседа. Из-за темной энергетики дома тебе и другим видится всякая чепуха. На самом деле с тобой все в порядке!

– Это правда, – согласилась Глафира. – В нашей квартире черт-те что происходит.

В субботу я отправилась на почту с письмами для мамы и попросила марки за девять пятьдесят и семь пятьдесят. Дала сто рублей. Кассир протянула мне сдачу – три рубля. И тут появилась мысль: «Тебя хотят обмануть!». Сложив в уме девять пятьдесят и семь пятьдесят, я получила семнадцать и поняла, что три рубля даны мне верно, а остальные деньги кассир еще только отсчитывала. Получив их, я деньги пересчитала. Вместо восьмидесяти рублей было семьдесят.

– Вы неправильно дали сдачу! – Я показала кассиру бумажные деньги. Она покраснела и вернула недостающую десятку.

«Значит, – рассуждала я по дороге домой, – моя душа заранее знала об обмане. Душа все знает наперед, а мозг не всегда замечает знаки. Нам следует больше доверять ей».

Вечером я взяла детей, и мы пошли в кинотеатр в торговом центре «Золотой Вавилон». После просмотра приключенческого фильма я угостила всех мороженым.

– Купи нам книжки, Полина! – попросили Христофор и Ульяна.

В «Золотом Вавилоне» на втором этаже был книжный магазин. Я выбрала для детей книги о динозаврах и еще по русской истории, а Льву Арнольдовичу, который вот-вот должен был вернуться, купила роман Вик-

тора Пелевина. Мне приглянулась книга «Сожженная заживо» о женщине Востока. Полистав, поняла – надо брать. До этой книги я частенько рассуждала о том, что не с кем поговорить о войне, никому не нужны мои рассказы. Даже Лев Арнольдovich от них отмахивался, а Тюка и вовсе не собиралась слушать, но оказалось, что есть на свете люди, пережившие гораздо более страшные вещи.

Тюка и Лев Арнольдovich появились дома во вторник. Вернувшись с работы, я обнаружила не только их, но и русско-грузинско-афганскую семью с десятого этажа.

– Полина питается у меня! – бессовестно врала Марфа Кондратьевна.

Вахтанг Давидович, Лариса и Халил сделали удивленные глаза.

– Это когда же?! Я ухожу полседьмого, прихожу около десяти вечера, приношу с собой продукты, кормлю ваших детей, укладываю спать, а в свой выходной делаю здесь генеральную уборку! – громко возразила я.

Марфа Кондратьевна меня поначалу не заметила, поэтому, обернувшись, разозлилась.

– Я тебя ненавижу! – вскричала она. – Я при тебе не могу молиться Иисусу! Меня воротит от твоего милого личика! Мой муж и мои дети каждый день мне с тобой изменяют! Дорогая Клюква это тоже заметила!

Соседи не выдержали и захохотали, а Лев Арнольдovich, услышав об измене, недоуменно затряс головой и на всякий случай прочистил уши, подумав, что ослышался из-за скачка давления после перелета.

– Тюка, ты пьешь свои таблетки? – спросил он супругу.

– Мама, перестань позориться! – закричала Глафира густо покраснев.

– Стыдно, мама! – заявил Христофор.

– А как же! – Марфа Кондратьевна решила пожаловаться соседям. – Раз мои дети любят Полину больше, чем меня, раз мой муж радуется, когда видит в тарелке суп и кашу, значит, они мне изменяют! Неважно, что не физически! Духовно изменяют! Полина специально подманила их едой! Я устрою ей такую жизнь! Я ее в порошок сотру!

– Ваши претензии, Марфа Кондратьевна, необоснованны, – возразила я. – Лев Арнольдович мне как отец, а дети – братья и сестры. Я не могу оставить их голодными.

– Когда мы просим еды, Полина нас кормит, – сказала Ульяна. – А ты, мама, уходишь! То с дядями, то с тетями!

– Я на митинги хожу! – повторяла Тюка. – Я диссидентка!

– Сейчас же извинись за свое поведение! Я не хочу, чтобы Полина обиделась, – потребовал от матери Любомир.

– Видите?! – вскричала Тюка, обращаясь к соседям. – Они все на ее стороне! Продали родную мать за борщ и пироги! Предатели!

– Еще Полина нам вшей вывела! – напомнил Христофор.

– И глистов! – добавила Глафира.

– Я натравлю на нее милицию! Она из Чечни! – пообещала эксперт по правам человека.

– Только попробуй! – прорычал Лев Арнольдович. – Со всем совесть потеряла, дура!

– Мама, выгонишь Полину или сделаешь ей гадость, – заявили дети, – мы из дома убежим! Бросим тебя!

Лариса и Халил спешно откланялись. Вахтанг Давидович из-под пиджака показал Льву Арнольдовичу бутылку вина и поманил его на улицу.

Через несколько дней Марфа Кондратьевна улетела в Испанию, чтобы обратить внимание общественности на проблемы человека в России.

Аксинья по-прежнему вела себя агрессивно, бесилась и ломала вещи, дралась и неистово выла. Девушке за сто килограммов трудно противостоять. В момент ее приступов Глафира и Христофор прятались вместе с младшими в шкаф или в кладовку, отдавали ей шампунь и порошок, чтобы хоть немного задобрить. Лев Арнольдovich пребывал в дурном настроении. Он старался как можно чаще уходить из дома – к соседям или в лесопарк.

Как-то раз я пришла с работы и услышала хрипы, доносившиеся из его комнаты. Не успев разуться, я бросилась туда. Аксинья, впад в истерическое состояние, медленно душила Мату Хари. Кошка изворачивалась и хрипела в ее руках.

– Аксинья, отдай мне Мату Хари! – попросила я.

Аксинью мое вмешательство разозлило. Обычно мы с ней ладили, но отдавать кошку она не собиралась. Разжав пальцы, больная схватила с полки словарь Даля и с размаху ударила меня им по голове. Удар был такой силы, что в ушах раздались песни сирен, а в глазах зарябило. Шатаясь, как после контузии, я схватила кошку и метнулась к ванной комнате. За мной забежали Ульяна, Любомир и Христофор.

– Полина, милая, помоги, – плакали дети.

Аксинья колотила в дверь руками и ногами, а когда поняла, что до нас ей не добраться, отправилась крушить мебель, вырвала с корнем плафон в коридоре и разорвала одежду, какую нашла в прихожей на вешалке. Она затихла, только когда с улицы пришел Лев Арнольдovich и надавал ей тумаков. У меня началось головокружение, до утра рвало, и я не могла открыть глаза. «Скорую помощь» мне никто не вызвал.

– Зачем ты полезла отнимать кошку? Ты знаешь, что Аксинья больная! Убила бы она кошку – одной проблемой меньше. Сама виновата, – сказал мне Лев Арнольдovich.

вич. Пользуясь отсутствием супруги, он часто стал напиваться.

В пятницу он пустился во все тяжкие с Вахтангом Давидовичем, а чтобы дети не мешали, включил им кино. Придя домой, я обнаружила, что Глафира, Любомир, Ульяна и Христофор сидят у телевизора.

– Мы смотрим фильм о том, как живые люди едят мертвецов! – сообщил Любомир.

Я взглянула на экран. Потерпевшие авиакатастрофу пассажиры поедали кого-то из погибших на фоне прекрасного горного пейзажа. С отвращением отвернувшись, я вспомнила, как Лев Арнольдovich хвалился, что знает, какие именно фильмы нужно показывать детям ради полноценного их развития. Он и сейчас тыкал пальцем в экран:

– Видите? Едят по очереди! Не толкаются! Соблюдают дисциплину! А не все ли равно, что раньше это был человек? Да все равно! Теперь мясо мороженое!

Дети тарасили глаза.

Вахтанг Давидович разливал по стаканам крепкий алкоголь, запах от которого мгновенно наполнил гостиную.

Вздыхнув поглубже, чтобы оставить при себе свое мнение по поводу фильма, я выманила детей из комнаты и отвела на кухню, а Лев Арнольдovich с Вахтангом Давидовичем продолжили наслаждаться искусством.

Аксинья попыталась выцарапать глаза Любомиру, и мне пришлось отгонять ее полотенцем. Когда это перестало помогать, мы воспользовались веником, потому что Аксинья полезла драться.

Лев Арнольдovich на шум заявил:

– Ты, Полина, тут живешь, вот и справляйся со всеми проблемами!

– Родители нехилую пенсию за нее получают. – Глафира вздохнула. – Иначе давно бы сдали в психбольницу. Пожизненно.

– Или в православный интернат! – хихикнул Христофор.

– Где транквилизаторы? – спросила я у Льва Арнольдовича.

– Закончились! – отмахнулся он, продолжая пировать с гостем.

Выпроводив нетвердо стоявшего на ногах старенького поэта, Лев Арнольдович покрутился немного без дела, а затем ушел к Халилу.

– Надо «Путинки» еще хлопнуть, – сказал он на прощание.

Куда-то пропал Христофор, но с таким количеством детей я не придавала этому значения. Вернулся он грязный и мокрый и рассказал, что влез на крышу сарая во дворе, откуда и свалился.

– Рука болит... – пожаловался Завоеватель.

Я отправила его за отцом на десятый этаж, так как мне приходилось защищать Глафиру, Любомира и Ульяну от продолжавшей свирепствовать Аксины.

Пьяный Лев Арнольдович становился резким. Он потащил за шкирки Христофора и Любомира в ванную.

– Грязные твари, мойтесь! – гремело на весь дом.

Мальчишки сначала кричали, а потом странно притихли. Я в доме Тюки к тишине не привыкла: здесь всегда стоял гвалт и грохот, поэтому, собирая разбитые Аксиной тарелки, крикнула из кухни:

– Что там у вас происходит?

– Не твое дело, Полина! Заткнись! – рявкнул Лев Арнольдович. Он выскочил из ванной, врубил на полную мощность магнитофон, и хор Турецкого на предельной громкости загремел на весь подъезд.

Дети визжали, Лев Арнольдович ругался на чем свет стоит, голая Аксиныя скакала под музыку и разбрасывала сложенные мной вещи.

На шестнадцатизэтажный дом ночь набросила свою панджу, а на часах пробила полночь – так сказать, начало всех событий.

Я уложила Ульяну и Глафиру на диван, сама взобралась на шкаф. Глафира выпила валерьянку, вставила беруши себе и сестренке и отключилась. А я лежала на шкафу и трогала рукой шершавый потолок. Вскоре дверь открылась, и в комнату с рыданиями вбежали Христофор и Любомир. За ними Лев Арнольдович забросил кошек.

– Чтобы никто здесь пикнуть не смел! – Он резким движением захлопнул дверь.

Мяо Цзэдун полез чесать когти к иконостасу, сбросил на пол подсвечник и стал катать его, довольно урча.

– Папа нас топил! – пожаловался Христофор. – Помнишь, Полина, ты спросила, что происходит? Он нас с Любомиром опустил под воду и держал за шею. Мы задохлись. Потом он пришел в себя и нас отпустил.

– Никуда не выходите из комнаты, я буду вас охранять, – сказала я.

В час ночи из Мадрида позвонила Марфа Кондратьевна, чтобы узнать, как дела.

– Аксинья на днях душила кошку. Полине взбрело в голову ее остановить. Ты представляешь, Тюка? Ха-ха-ха! Получила Полина по башке словарем Даля! – докладывал Лев Арнольдович заплетающимся языком.

Марфа Кондратьевна что-то ему отвечала.

– Ты не беспокойся, у нас все отлично! – закончил разговор Лев Арнольдович.

Около двух часов ночи, когда старшие дети крепко спали, вновь раздался звонок – на стационарный телефон. Любомир от звонка проснулся, заплакал и попросил есть. Мне пришлось на цыпочках выйти из комнаты и принести ему хлеба.

– К нам скоро придет Саша Мошкин, известный московский правозащитник, – радостно сообщил в пустоту Лев Арнольдovich.

Не прошло и десяти минут, как на пороге появился гость. Мошкину было сильно за шестьдесят, из-под кепки торчали непослушные седые кудряшки. Его долговязая фигура покачнулась в дверях. Перегаром и чесноком от правозащитника несло за версту.

Я попыталась задремать, но Лев Арнольдovich и его друг со словами: «Надо еще вмазать!» – громко хлопнули входной дверью. Их шаги гулко стучали по лестнице, а в нашем коридоре начался подозрительный шорох. Я слезла со шкафа. Вовремя! Аксинья зажала в коридоре Любомира, который возвращался из уборной, и расцарапала ему щеки. Отогнав ее шваброй, я увела ребенка.

Любомир рыдал:

– Полина, она била меня по лицу!

Я уложила Любомира спать и сказала:

– Не бойся, сюда она не придет. Спи.

Аксинья пришла. Она стучала в дверь, требовала жертву обратно. Держать ее с другими детьми было крайне опасно, но в семье Тюки на это не обращали внимания.

Дверь в нашей комнате открывалась внутрь, и я подложила под нее свои кроссовки, просунула в ручку двери швабру и еще перегородила вход тяжелой полкой с книгами.

Аксинья, не добравшись до нас, сбила кулаком замок с кухонной двери и разгромила холодильник. Но я знала, что лакомка там ничего не найдет, разве что сухой хлеб, пустую пачку из-под масла да пару картофелин. Остальное съели дети и Лев Арнольдovich.

В четвертом часу утра, пьяные в стельку, в прихожую ввалились хозяин дома и его друг. Они орали на разные голоса, вспоминали молодость и какую-то Лидку, с ко-

торой у них был классный групповой секс. Дети спали. Акси́нья из комнаты Льва Арнольдовича не показывалась.

Саша Мошкин и Лев Арнольдович, подобрав отмычку, порылись в кабинете Тюки, обнаружили там ликер и разлили его по граненым стаканам.

– На кактусе настояно! Целебное питье! – раздавались их голоса.

После употребления ликера миротворец и правозащитник поймали «белочку». Они решили, что умерли и находятся на том свете.

– У нас осталась способность являться к живым! – не своим голосом кричал Лев Арнольдович.

– Мы бессмертны! – вторил ему Саша Мошкин. – Мы бессмертны! Аллилуйя!

Непонятно зачем, они попытались вломиться в комнату, где были дети, но путь перекрыла забаррикадированная дверь. Я слезла со шкафа и стояла наготове с кинжалом в руке.

– Пошли прочь! Убирайтесь отсюда!

– Полина, нам страшно! – Любомир и Христофор проснулись от криков и грохота, и заплакали.

Как же в этот момент я ненавидела миротворца и правозащитника! За тяжелую ночь, за опасность, которой старые пропойцы подвергли меня и детей, за их беспутное пьянство и поганую жизнь.

Задремала я на полу, прислонившись к стене, сжимая в правой руке кинжал, а когда открыла глаза, часы показывали семь утра. Дети спали вповалку на диване. Разобрав баррикады и приоткрыв дверь, я увидела, что Лев Арнольдович храпит в прихожей, упав лицом на обувь, а его друг Саша Мошкин без штанов растянулся на топчане в комнате Акси́нии и, судя по запаху, несколько раз описался.

Растолкав Глафиру, я заявила, что не собираюсь больше оставаться в этом доме и чтобы она немедленно звонила матери в Испанию.

– Когда вернешься, Полина, принеси нам что-нибудь поесть, – попросила Глафира и повернулась на другой бок. Она даже не поняла, о чем речь, подумав, что я, как обычно, иду на работу.

Меня трясло от негодования, и, выйдя на улицу, я пешком отправилась в сквер, разбитый у Теплового Стана. Денег снять комнату у меня не было. «Может быть, удастся найти приют у какой-нибудь порядочной женщины за мелкую помощь по хозяйству», – мечтала я. Просидев полдня под кривыми березами, которые всем своим видом жаловались на окружающую среду, я разговорилась с двумя пожилыми москвичками. Одна из них рассказала про драчливого внука-наркомана, а вторая – про больницу.

– Всю ночь я лежала на каталке в коридоре, а больные, когда шли в туалет, держались за поручни каталки, поэтому я каталась туда-сюда, пока один дед не завез меня в туалет. Слава богу, дочка явилась. Дала взятку врачам, и меня выкатили обратно.

Мне женщины посочувствовали, но к себе не позвали.

– Тебе в том доме опасно, алкаши могут изнасиловать, – вздохнули они. – Пока лето, лучше ночуй на улице.

Домой я возвращалась в унынии: мне не хотелось видеть пьяную компанию и голодных детей. Я всерьез подумывала над тем, чтобы взять свои вещи и уйти на улицу.

Когда до дома оставалась всего пара остановок, я поняла, что мне нужно в туалет, и свернула с тротуара. Последнее время лес не казался мне местом покоя и умиротворения, он выглядел зловещим, и я полагала, что он полон неприкаянных душ и не похороненных с молитвой тел. Я шагала по тропинке, и вдруг меня словно

током ударило. Такое случалось с детства: если кто-то пристально глянет или где-то лежит ценная вещь – меня будто поражала невидимая молния. В полном недоумении я завертела головой и в какой-то момент посмотрела вверх: в развилке высоченной сосны лежал черный кот. Его лапы безжизненно свисали вниз. Я прищурилась и заметила снежинку у самого носа кота.

Во время войны зверей забрасывало на деревья взрывной волной. Перед глазами пробежали сны о мертвых в лесу, и мне стало не по себе. Наверное, глупый кот забрался туда, спасаясь от собак, неделю орал, охрип и умер. Я громко пожелала:

– Царство Небесное! Иди на радугу, кот!

Вначале одно ухо шевельнулось, затем второе, и кот открыл желтые глаза. Взяв свои слова обратно, я начала подзывать его, но он не реагировал. Поняв, что на сосну за котом полезет разве что сумасшедший, я поспешила домой.

Старые друзья отходили от похмелья: правозащитник Мошкин раскачивался над пластмассовым тазом и гудел как паровоз, вызывая рвоту, а Лев Арнольдович спокойно пил пиво из бутылки.

– Полина, где еда? – бросились ко мне дети.

– Еды нет. Есть кот, которому нужна помощь, – ответила я.

Солнце над Москвой клонилось к закату, озаряя лес бордовым светом, а мы, выбежав из подъезда, нашли в траве длинную арматуру и попытались ею поддеть кота. Промучившись около часа, я отправила детей за отцом, пообещав сделать на ужин лепешки с творогом как вознаграждение за труды.

Лев Арнольдович пришел к нам на помощь. Он охотно крепил скотчем и веревками ветки, чтобы получился внушительных размеров шест. Мы пару раз достали до кота

и даже подкинули его, но он упорно приземлялся обратно в развилку.

– Все! – Лев Арнольдovich махнул рукой. – Надо идти в лесничество за пожарной лестницей! – И он с мальчиками ушел.

Дома я готовила лепешки и варила гречку, извлеченную из тайника, а Глафира, Аксинья и Ульяна толкались на кухне. Аксинья не буйнила, вела себя смирно, потому что сильно проголодалась.

Через час пришли Лев Арнольдovich, Христофор и Любомир.

– Ура! Мы спасли кота! Кот жив! – восторженно кричали они.

Оказалось, что по пути в лесничество они нашли поваленную тонкую березу, довольно длинную. Ею Лев Арнольдovich сбросил кота на землю.

– Кот летел! Вертел лапами в воздухе, как мельница! А потом убежал! – кричал Любомир.

На радостях я не стала высказываться по поводу вчерашней попойки и накормила всех лепешками и гречкой.

Продолжение следует.